

clv

Экарт цур Ниден

Защитите мельницу!

clv

Christliche

Literatur-Verbreitung e.V.

Postfach 110135 • 33661 Bielefeld

© немецкого оригинала 1992
by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung
Название оригинала: *Verteidigt die Mühle*
© русского издания 1999
by CLV · Christliche Literatur-Verbreitung
Postfach 110135 · 33661 Bielefeld
Перевод с немецкого: Ina Neumann
Редактор: M. Wiens / E. Zorn
Оформление обложки: Dieter Otten, Gummersbach
Набор: Enns Schrift & Bild, Bielefeld
Типография: Ebner Ulm

ISBN 3-89397-427-X

Т-р-р-р-р!

Увэ со злостью шлепнул по будильнику, чтобы этот отвратительный трезвон наконец прекратился.

«Надо же было умудриться поставить будильник на 12 часов ночи!» — подумал он, поворачиваясь на другой бок. Тут он вспомнил, что тот парень пообещал ему 30 марок, и сон как рукой сняло.

Спустив ноги с кровати, Увэ пошарил в темноте в поисках носков. Натягивая их — один был наизнанку, но он этого не заметил, — Увэ снова прокручивал в памяти события, приведшие к этой ночной экспедиции.

Этот парень явно догадывался, что ему, Увэ, позарез нужны деньги. Хотя вообще-то очень большой проникаемости ему для этого не было нужно. Уж слишком долго стоял Увэ перед магазином фототоваров, не сводя глаз с витрины. С особым вниманием он рассматривал телеобъективы. Там был один такой объективчик, что закачаешься! 500мм! Вот бы его купить! Тогда он мог бы даже и с огромного расстояния делать суперчеткие снимки!

Но при его-то копейках, получаемых на карманные расходы... Поэтому эти 30 марок пришлось как нельзя кстати, и особенно когда тот парень сказал, что позже Увэ снова сможет ещё кое-что заработать.

Увэ был не вполне уверен, что все пуговицы на его рубашке попали именно в те петельки, в какие им полагалось. Но это, вероятно, было и не так важно. В темноте все равно никто этого не заметит.

Взяв в руки по ботинку, Увэ выскользнул из комнаты. Бесшумно прокрался он мимо комнаты своей сестры Керстин и спальни родителей, из которой слышался успокаивающий храп отца. Добравшись до входной двери, мальчик тихонько вытащил из замка ключ, открыл дверь, ошупью выбрался на лестничную площадку, осторожно прикрыл дверь и сунул ключ в карман брюк. Потом ведь ему нужно будет снова как-то попасть в дом!

Увэ сунул ноги в ботинки и, наскоро их зашнуровав, сбежал по лестнице вниз. Очутившись на улице, он на минуту замер, вдыхая холодный воздух.

Стоять так было приятно, воздух бодрил, прогоняя усталость, сковывавшую все члены человека, поднятого среди ночи. Но на этом приятное заканчивалось. Во всем остальном Увэ чувствовал себя очень и очень неуютно. Царила мертвая тишина. Фонари горели еле-еле, в окнах домов не было ни огонька. Нигде не было видно ни одной живой души.

И почему этот парень настаивал, чтобы Увэ пришел ночью? И чтобы никто об этом ничего не узнал! Если он будет зарабатывать свои деньги — а тот ведь так и сказал: «заработать», — то зачем же это скрывать?! Странно это все как-то.

Увэ побежал вниз по улице и вскоре оказался на условленном месте встречи, у автобусной остановки на окраине города.

Ждать ему пришлось недолго. Вскоре к остано-

ке подлетел ревущий, несмотря на поздний час мотоцикл. Резко затормозив, тяжелая «Хонда» остановилась прямо перед Увэ.

Увэ еще размышлял над тем, сказать ли ему «Добрый вечер» или же «Доброе утро» — о «доброй ночи» ему явно и не стоило заикаться, когда мотоциклист кивком головы указал ему на место позади себя. Увэ повиновался. Не успел он сесть, как мотоциклист отпустил сцепление и нажал на газ. Тяжелый мотоцикл рванулся вперед.

Никогда еще Увэ не ездил на мотоцикле так быстро. На каждом повороте, когда мотоцикл чуть ли не ложился на бок, у него замирало сердце. К тому же фары освещали лишь небольшой отрезок дороги перед ними, весь же остальной мир окутывала непроглядная тьма.

Доверие Увэ к водительскому искусству мотоциклиста только-только стало расти, а страх уменьшаться, как мотоцикл убавил скорость. Они въехали в лес. Проехав еще немного, — очевидно, мотоциклист искал какое-то определенное место, — они остановились.

«Я тебе сейчас подробно объясню, что нужно делать, — сказал незнакомец. Из-за мотоциклетного шлема голос его звучал глухо: — Слушай внимательно!»

Увэ кивнул и соскочил на землю. Интересно, что это может быть за работа здесь, посреди леса?

«Если ты сейчас пойдешь вниз по склону в лес, то метров через 100 выйдешь к ручью. Пойдешь вдоль этого ручья направо по течению...»

«Да, но тут такая темень и совсем ничего не видно!»

«Не ломайся! По лесу тебе идти совсем немного, и к тому же я посвечу тебе фарами. Внизу у

ручья нет никаких деревьев, да и луна сегодня очень яркая. Теперь слушай внимательно! Будешь идти вдоль ручья, пока не выйдешь к пруду. Там стоит мельница. Найдешь несколько камней и разобьешь в доме несколько окон. Потом быстро вернешься назад. Все ясно?»

«Ммм... Что я должен сделать?»

«У тебя что, со слухом не в порядке? Ты должен разбить пару окон! Не трусь, никто тебя не поймает. Там живет столетний старикашка, бегать он не может. Но если же он тебя все-таки поймает, то на мою помощь не рассчитывай. Я уеду, а ты выкручивайся как знаешь. Но тут уж надо быть последним недотепой, чтобы старикан тебя поймал».

«Да, но... зачем? Зачем я должен бить окна?»

«Не задавай слишком много вопросов! Тебе этого все равно не понять. Ты получишь свои деньги, но сначала должен сделать свою работу. И если ты ее сделаешь хорошо, позже сможешь заработать еще».

«Ничего себе заработать, — проворчал Увэ. — А когда я получу свои 30 марок?»

«Что, боишься, что я тебя брошу? Не волнуйся. Не такой я человек. Вот тебе половина. Остальные 15 марок получишь, когда вернешься, понял?»

В ответ Увэ лишь хмыкнул. Все это ему было очень не по душе. Знай он раньше, что ему придется делать за эти деньги, никогда бы не пошел на эту сделку. Но сейчас-то, когда он уже тут.. И к тому же с этим парнем шутки плохи, злить его было бы опасно. Тем более здесь, ночью, в лесу, когда вокруг на много километров ни души.

Обуреваемый противоречивыми чувствами, Увэ протянул руку, и мотоциклист отсчитал ему на ла-

донь три монеты по 5 марок. Стараясь, чтобы его голос звучал как можно уверенней, Увэ бросил: «Пока!» — и углубился в лес.

Сначала там, куда доставал свет фар, идти было нетрудно. Потом же с каждым шагом становилось все темнее, и Увэ пару раз налетел на стволы деревьев. Вытянув перед собой руки, он ощупью пробирался вперед, пока лес не кончился и не стало светлее.

Он уже собирался пуститься в путь вдоль ручья, когда ему пришло в голову, что это место следовало бы хорошенько запомнить. Ведь потом ему нужно будет здесь повернуть в лес, чтобы выйти на дорогу. Он тщательно откладывал в памяти все подробности, которые можно было рассмотреть в темноте: на правом берегу ручья пастбище, дальше на лугу — два одиноких дерева.

Вскоре ручей делал изгиб, и Увэ, все время шагавший по его течению, увидел далеко внизу отражавший звездное небо маленький пруд.

Здесь начинался луг, и Увэ перешел на размашистый шаг. Вскоре он мог различить и дом. Огромный и темный, он высился на другом берегу пруда. Мальчик перепрыгнул через ручей и начал осторожно приближаться к мельнице.

У Увэ все это время противно сосало под ложечкой. Не столько из-за того, что он оказался один в темном лесу, — ему ведь в конце концов уже двенадцать и он никогда не был трусом. Сердце его сжималось при мысли о том, что он сейчас должен сделать. Но раз он уже согласился... И, кроме того, взял деньги. Это было бы просто нечестно: взяв плату, постараться увильнуть.

По звуку своих шагов Увэ понял, что вышел на посыпанную щебнем дорожку. Можно ли таким

камнем разбить окно? Увэ взвесил несколько камней на ладони. Да нет, маловаты они для такого.

Но вон лежит увесистый булыжник. Вот он подойдет! Увэ пошарил еще и вскоре набрал с пяток больших камней.

Теперь он стоял перед самым домом. В нем было много окон. Но сначала Увэ хотел немного осмотреться. Посередине была дверь, к ней вели несколько ступеней. Увэ стоял на небольшой площадке, которую полукругом окружали высокие деревья.

Стараясь двигаться как можно тише, Увэ покинул посыпанную щебнем площадку и, мягко ступая по траве, обошел дом.

На противоположной входу стороне было большое мельничное колесо. Окон здесь не было, лишь два маленьких под самой крышей. Обнаружив, что дальше, со стороны пруда к дому примыкали сарай и сад, а значит, чтобы добраться до леса, нужно перелезть через заборы и изгороди, Увэ решил, что лучше всего зайти все-таки с фронтона дома.

И вот он стоял, окруженный со всех сторон темнотой, сжимая в руке камень. Бросать или все-таки не бросать?

«Больше тянуть нельзя, а то я еще передумаю!»

Он взвесил на ладони первый камень. Размахнулся и бросил его изо всей силы. Камень с глухим стуком ударился о стену и упал на землю. Еще разок! По звону разбитого стекла Увэ понял, что попал в одно из окон верхнего этажа.

Нужно быстренько попытаться еще разок, пока хозяин не проснулся!

Увэ кинул третий, четвертый камень, в этот раз мимо. Пятый же попал в окно, стекло посыпалось как раз в тот момент, когда в доме вспыхнул свет.

Увэ бросился бежать что было сил. Быстрее, быстрее, через ручей, через луг, быстрее!

Миновав изгиб ручья, Увэ, задыхаясь, остановился. «И чего я так бегу? — подумал он. — Дедуля еще и тапочек не успел найти».

Уже не торопясь, он двинулся дальше. Вот и пастбище. Здесь ему нужно свернуть в лес. Осторожно пробирался он между деревьями вверх по склону.

Это была долгая и утомительная процедура. Но вот наконец Увэ снова оказался на дороге.

Но где же мотоциклист?

Неужели он бросил его на произвол судьбы?

Или же Увэ сам что-то перепутал и вышел на дорогу в другом месте?

По спине пополз неприятный холодок.

Но что это за шорох? Из темноты по шедшей под уклон дороге с выключенными фарами мягко выкатилась «Хонда». Завидев Увэ, мотоциклист включил фары и завел мотор.

«Ну и?» — только и спросил он.

Увэ поспешно отчитался: «Сделал все, как ты сказал. Разбил два окна».

«Всего-то?»

Увэ разозлился. Этот тип и понятия не имеет, как это было трудно! Но тут мотоциклист полез в карман, вытащил банкноту и монету и протянул их Увэ. «Садись! Но в следующий раз окон должно быть больше!»

«В следующий раз? Ну нет, — думал Увэ, — следующего раза не будет. В этот раз я позволил себя обвести вокруг пальца, но это было в первый и последний раз. Разбивать старикам окна! Это было просто подло». Настораживало и то, что парень не пожелал объяснить, для чего ему это было нужно.

Но об этих своих мыслях Увэ не обмолвился ни словом. Уж очень он боялся, что мотоциклист может на него разозлиться.

К тому же в данный момент он вообще не мог говорить. Они снова неслись с головокружительной скоростью по дороге к городу.

У автобусной остановки мотоцикл замер.

Увэ слез на землю.

«Я сам найду тебя», — глухо прозвучало из-под шлема. Мотор взревел, и тяжелый мотоцикл рванулся вперед.

Крайне возбужденный, Увэ отправился домой. Взбежав по лестнице, он незамеченным пробрался в свою комнату, разделся и юркнул под одеяло.

Сон пришел к нему далеко не сразу.

«Нет, нет и еще раз нет!»

Все было абсолютно ясно.

Чтобы еще раз подчеркнуть, хоть и без особой на то надобности, что разговор на эту тему закончен раз и навсегда, мама развернулась и взяла тряпку, которой она мыла посуду.

Заплакать еще отчаяннее, чем она плакала до этого, Керстин уже не могла. Она была в полном отчаянии! Всхлипывая, она выбежала из кухни.

Куда? Ну конечно, к своим любимцам, четверем котяткам, из-за которых и разгорелся весь этот сыр-бор. В подвале возле батареи стояла корзинка. В ней гордо восседала мама-кошка рядом со своими малышами.

«Нет, Принц, к сожалению, это невозможно! Ты должен быть очень мужественным!»

Керстин, все еще всхлипывая, опустилась на колени рядом с корзинкой.

Никто не должен слышать, что она называет кошку Принцем. Еще когда ей ее только подарили, все считали это имя неподходящим. «Так можно назвать в крайнем случае овчарку», — сказал ей папа. Но Керстин не хотела никакого Барсика или Мурзика или чего-то в этом роде. Так звали всех котов, а ее кот был особенный.

Все шло хорошо, пока не выяснилось, что Принц был отнюдь не кот, как ей обещали. Просто поменять имя с Принца на Принцессу всем в доме показалось глупо. И поэтому у кошки так и не было настоящего имени. Папа называл ее Муркой, потому что считал, что другого имени ему просто не запомнить. Мама окрестила Чернушкой, потому что она с самого начала хотела назвать ее Чернышом, хотя в окраске кошки черного было очень мало. Увэ, ее брат, именовал ее просто «кошка». Сама же Керстин упрямо называла ее Принцем. Пусть другие говорят, что хотят. Лично у нее Принц был женского рода.

А в том, что животное было не «он», а «она», не было никаких сомнений. Это стало совершенно очевидным с тех пор, как в корзине появились четыре маленьких котенка.

Слезы застилали ей глаза, мешая рассматривать малышей. Она сердито вытерла их рукавом, но это не помогло. На глаза тут же выступили новые слезы. Как они потешно копошатся, эти полуслепые котятка! Один черный, другой пятнистый и два серых. Маленькие, не больше мыши. Такие крошечные и беспомощные!

И этих малышей нужно будет убить! Просто так! Размозжить им головы, отравить, утопить! А что они сделали плохого? Они были виноваты лишь в том, что родились на свет!

Но ведь нельзя убивать из-за этого! Только потому, что они кому-то мешают! Это же...

Ах, ну что толку прокручивать эти доводы снова и снова! Она ведь и так часами уговаривала родителей. Напрасно. Пять котов им в доме не нужно. Нельзя было их здесь держать еще и потому, что эта квартира была не их, они только снимали ее. В договоре же о найме было написано... И отец прочел все то, что было записано в этом договоре. И вообще, в разговорах на эту тему он запрещает употреблять слово «убийство». Убийство — это совсем другое, там речь идет о людях и злых намерениях.

Вот этого Керстин понять была уже не в силах. Ну какая же здесь была разница? Живое существо было живым существом, и убивать его никто не имел права, особенно когда оно такое маленькое и хорошенькое!

И что это вообще значит: злые намерения? Разве это не злые намерения, когда на такой крошечной голове... Просто представить себе невозможно!

Керстин вновь овладело отчаяние. Не особо раздумывая над тем, что она делает и был ли в этом вообще какой-то смысл, она схватила корзину с кошкой и котятками и выбежала на улицу. Прочь, прочь из этого дома, где хотели убить ее любимцев!

Она бежала и бежала. Она еще не очень хорошо знала окрестности, потому что их семья переехала сюда совсем недавно. Но даже если бы она их и знала, сейчас она бежала безо всякой цели. Она просто хотела быть подальше от дома. Ослепленная отчаянием, она бежала и бежала, пока их городок не остался далеко позади.

Бежать у нее больше не было сил. Керстин перешла на шаг. Котята, которых при беге немилосердно швыряло из стороны в сторону, радовались, что теперь корзину уже не так болтало.

Керстин шла вдоль шоссе, и слезы застилали ее глаза.

Наконец справа у дороги она увидела скамейку. Керстин села, поставив корзину рядом с собой, и спрятала лицо в ладонях.

«Какие милые котята!»

Керстин вздрогнула от неожиданности. Позади нее стоял незнакомец.

Это был уже глубокий старик. «Ему, скорее всего, уже лет сто, — решила Керстин, — а может быть, и сто пятьдесят». У него было длинное лицо с ввалившимися щеками, посередине которого торчал огромный орлиный нос. Разительным контрастом к этим устрашающим чертам были добрые серые глаза, дружелюбно смотревшие на Керстин.

«Можно их погладить?» — спросил незнакомец и, не дожидаясь ответа, перегнувшись через спинку скамейки, погладил Принца и взял одного из котят. Было видно, как трудно ему наклоняться.

«Осторожно! Они еще совсем маленькие, им всего три недели!»

«Ты что, плачешь? У тебя мокрые от слез щеки».

«Да».

«И почему?»

«Потому что — потому что моих котят нужно убить».

«Убить?! Это же просто ужасно!»

«Да, потому что так записано в договоре о найме. И вообще...»

«А ты не знаешь никого, кто бы хотел взять себе котенка?»

«Мама уже спрашивала у своих знакомых. Но никто не захотел. И у нас еще мало знакомых, потому что мы только недавно сюда переехали».

«Гм. И что ты делаешь с ними тут в лесу? Ты ведь не собираешься их тут просто бросить? Это было бы еще хуже. Они тогда погибнут в муках. Или, если они вдруг выживут, то одичают. Тогда они будут разорять гнезда и пожирать птенцов. Этого ты ведь тоже не хочешь, правда? Ну а потом их застрелит лесник».

«Я и не хотела их тут бросать. Я даже и не думала об этом. Я просто убежала из дому. Просто так».

«Просто так. Гм. И ты не боишься здесь одна в лесу?»

«?».

«И сколько тебе лет?»

«Восемь. Но скоро будет девять».

«А как тебя зовут?»

«Керстин».

«Значит, Керстин. Гм — гм. А меня зовут Феллингер. Можешь меня называть дедушка Феллингер».

«Ну, мне, наверное, уже пора домой...»

«А котята?»

«Не знаю...»

«Ах, не плачь так, Керстин. Послушай, у меня есть одно предложение. Ты можешь оставить их у меня».

Керстин удивленно посмотрела на старика. Лишь постепенно до нее дошел смысл его слов, и удивление сменилось радостью.

«Вы хотите... Я могу оставить котят у вас?»

«Можешь обращаться ко мне на 'ты'. Ну да, если тебе так больно от того, что их придется убить, нужно ведь тебе помочь, так ведь?»

«Да, но как же?.. Вы разве не снимаете дом... то есть я хотела сказать, разве ты не снимаешь дом?»

«Нет, у меня свой собственный. Вот там, видишь, начинается мой сад. Я живу здесь совсем один. Будет замечательно, если несколько кошек составят мне компанию».

«Но это же — это было бы просто здорово!»

«Но кошку тебе тоже, наверное, придется оставить здесь. Малышам без нее пока не обойтись».

«Так еще и лучше, потому что родители всегда хотели от нее избавиться. А если ей здесь будет хорошо...»

«Я опять же должен признаться, что мало что смыслю в уходе за кошками. Ты можешь иногда приходить навещать своих котят и при этом смотреть, правильно ли я все делаю. Хорошо?»

«Конечно! И я буду всегда приносить им молоко. Я его куплю на деньги, которые родители дают мне на карманные расходы».

«Ну что ж, тогда пойдем. Я покажу тебе дом. А потом тебе нужно будет уже отправляться домой, а то твоя мама начнет беспокоиться».

Старик, прихрамывая и опираясь на палку, зашагал к дому. Керстин, взяв корзину с котятками, поспешила за ним.

Идти им пришлось недолго, и вскоре Керстин, обогнув кусты, увидела дом.

Вообще-то, это была скорее мельница, чем дом, сделала она вывод. Мельница стояла рядом с ручьем, бежавшим по живописной равнине и благодаря запруде образовавшим здесь маленькое озеро. Но большое мельничное колесо было неподвижно. Сам же дом, по всей вероятности, был недавно отремонтирован. Балки каркаса были черные, штукатурка же между ними — белая и чистая. Фундамент

дома был сложен из огромных блоков розового песчаника и здесь, со стороны пруда, особенно высоко поднимался над землей. Очень красивый дом.

А вот сад! Подойдя ближе, Керстин увидела, что вокруг дома все было очень запущено и заросло сорняком. Да, оно и ясно: если старый человек, которому трудно нагибаться, жил здесь один, то по-другому оно и быть не могло.

Дедушка Феллингер, должно быть, прочитал ее мысли. «Здесь все так запущено, правда? Мне уже не под силу с этим управляться. Слишком уж я стар. А нанять садовника очень дорого. Вот дом всего два года назад отремонтировал. Это обошлось дороже, чем я думал. На это ушли все мои сбережения. Но ремонт был просто необходим. Дерево местами уже прогнило, и его обязательно нужно было заменить».

Керстин казалось, что он разговаривает больше с самим собой, чем с ней.

«Но, — спросила она, — как вы можете э... то есть как ты можешь справляться здесь совсем один, и так далеко от города?»

«Ну да, малышка, это не так-то просто. Многие мне уже советовали продать дом и перебраться в дом престарелых. Они мне даже много денег за него предлагали. Но я все никак не могу на это решиться. Знаешь, когда человек столько лет прожил в таком прекрасном доме и потом вдруг... Нет-нет. Пока еще есть силы, я буду оставаться здесь».

Они подошли к дому.

«А мельница еще работает?»

«Да, колесо еще крутится, когда я направляю на него воду. Сама же мельница уже не совсем исправна».

«Ого, какой это большой дом!»

«Слишком большой для меня одного. Многими комнатами я вообще не пользуюсь. Ну, вот и подвал. Здесь мы и поищем местечко, где, можно было бы устроить твоих котят».

«Подвал? Но он же совсем не под землей!»

«Да нет. Будь подвал поглубже, в нем всегда бы стояла вода, из-за пруда, знаешь...»

Старик Феллингер вытащил из кармана куртки связку ключей. Он отыскал нужный и отомкнул деревянную дверь. Вслед за ним Керстин вошла в темное, прохладное помещение, левая половина которого была завалена рухлядью, справа же были сложены угольные брикеты.

«Котьята твои могут жить здесь», — сказал старик. Порывшись в горе рухляди, он извлек на свет маленькую миску. Торжествуя показав ее Керстин, пояснил: «Для молока. Я его сразу сейчас и налью». Поставив миску на пол, старик указал на прорезь в самом низу двери: «Через нее они смогут входить и выходить, когда им только вздумается. У меня, знаешь ли, уже была когда-то кошка. Только очень-очень давно. Под конец у меня была только одна собака».

«Собака? А где она сейчас?»

«Отравили».

У Керстин от ужаса расширились глаза. «Отравили? Кто ее отравил?»

«Не знаю, малышка. Злые люди. Уже неделю назад. Я просто нашел ее однажды утром мертвой в ее будке, рядом с отравленным куском мяса. Я ее потом похоронил вон там».

Он указал в сторону леса. Поставив корзину с котятами на пол, Керстин последовала за стариком, направившимся к лестнице: «Я надеюсь, что злые люди не отравят и моих котят».

«Я тоже надеюсь! Но гарантировать тебе я этого не могу. Кто-то решил мне всячески вредить. Вот только вчера ночью мне разбили два окна».

«Но ведь это же подло!»

«Да, это очень нехорошо. Но давай поговорим о чем-нибудь другом. Тебе уже пора отправляться домой, Керстин. А то твоя мама рассердится и не разрешит тебе больше сюда приходить».

«Хорошо. Я только попрощаюсь с моими котятами».

Керстин быстро сбежала вниз по ступенькам, обняла Принца, погладила малышей и снова выбежала из подвала.

«А можно, я приду сегодня вечером?»

«Ну, конечно! Послушай, а ты не могла бы оказать мне одну услугу?»

«Конечно!»

«Не могла бы ты в булочной купить для меня буханку хлеба? Знаешь, ходить мне уже трудно-ва-то, а до города путь не близкий».

«О чем речь! Может, тебе еще что-то надо?»

«Гм. Вообще-то я мог бы сейчас позвонить мяснику и сделать заказ. А ты, когда будешь идти сюда, могла бы зайти к нему и забрать заказанное. Вот, возьми, этих денег тебе должно хватить».

«Хорошо, тогда до вечера, дедушка Феллингер!»

Девочка припустила бегом по дороге, старик же смотрел ей вслед.

«Эй, постой», — вдруг закричал он. Керстин остановилась.

«Кошек-то твоих как зовут?»

«Мать зовут Принц».

«Принц?»

«Да, Принц. А малыши еще без имен».

«Можно мне им их дать?»

«Да!» Керстин помахала рукой и пустилась бежать по направлению к городу.

Увэ уныло слонялся по детской площадке, стараясь держаться поближе к тому месту, где обычно встречались четыре детектива. Еще раз идти к ним и просить принять его в свою компанию было слишком унижительно. Его гордость этого бы ему просто не позволила. Но если бы он случайно оказался здесь в ту минуту, когда они соберутся для обсуждения своих планов, то в разговоре он мог бы как бы невзначай намекнуть, что скоро обзаведется 500-миллиметровым объективом. Может быть, тогда они отнесутся к нему всерьез и вскоре даже примут в свою компанию.

Увэ судорожно зевнул. Хорошо, что сейчас летние каникулы. А то его усталость, наверняка, бы бросилась в глаза.

Нет, никаких больше дел у него с владельцем «Хонды» никогда не будет. Это он решил твердо.

Но, с другой стороны, как ему тогда насобирать на свой телеобъектив? Копить деньги, которые дают ему на карманные расходы родители? Но тогда это будет длиться сто лет. Вот если бы к ним в гости приехал дедушка — уж он бы обязательно помог. Может быть, что-нибудь получится и со следующим днем рождения... Он просто обязан купить этот объектив, иначе они никогда не примут его в свою компанию!

Увэ примостился на низенькой ограде и стал наблюдать за качавшимися на качелях малышами.

«А ты что здесь делаешь? А ну проваливай!»

Перед ним стоял Детлеф, один из детективов.

«Я? Ничего. Просто так сажу».

«Тогда я тебе дам один хороший совет: иди посиди в другом месте».

«Почему?»

«Потому что это наше место. Здесь всегда собираются детективы. А так как ты не из нашей компании, то и делать тебе здесь нечего».

«А если бы я был из вашей компании?»

В этот момент к ним подошел Йенс. Он уловил последнюю фразу и с ходу выпалил:

«Из какой это компании? Уж не из детективов ли?»

«Ну да, я вообще-то...»

«Проваливай отсюда! И не задерживайся! Примазаться он к нам хочет! Ну надо же, придумал! Да в своем ли ты уме?»

Детлеф добавил: «Сначала ты должен доказать, что можешь быть детективом. Собирать информацию! Самую актуальную, знаешь ли!»

«А это совсем не просто, потому что мы знаем в общем-то все».

Ну нет, он не позволит им так легко от себя отмахнуться! Для Увэ это уже был вопрос чести. «Так уж и все! Не рассказывайте мне сказок!»

Йенс высокомерно усмехнулся: «Рассказать тебе, что мы о тебе знаем? И это при том, что вы живете здесь всего две недели. Тебя зовут Увэ Нагель, и живешь ты на улице Готенберг, дом номер 18, второй этаж. Твой отец работает в фирме „Ляймрот и Ко“ чертежником. У тебя есть сестра, ей восемь лет, и зовут ее Керстин. По успеваемости в школе ты где-то между тройкой и четверкой. Твое хобби – фотография, и, я думаю, ты к тому же еще много читаешь».

Увэ был ошеломлен. «Вот это да! И как же вы это все узнали?»

«Ха! Легче легкого!»

«И столько же вы знаете обо всех, кто здесь живет?»

«Разумеется, — важно заявил Детлеф. — И о большинстве мы знаем еще больше. Вот посмотришь, скоро мы будем знать, сколько стоил твой фотоаппарат и сколько у тебя трусов».

«Ну и зачем вам все это?» — поинтересовался Увэ. Он был уверен, что этот вопрос приведет обоих друзей в замешательство, потому как с трусами, по его мнению, они уж явно хватили через край. Но куда там!

Отвечать на подобные вопросы Йенс счел ниже своего достоинства. Детлеф же снисходительно бросил: «Глупый вопрос! Потому что мы детективы. Другие собирают почтовые марки, или портреты футболистов, или подобную чушь. Мы же собираем информацию».

На другой стороне улицы показался маленький, упитанный Торстен, который к игре в детективы относился настолько серьезно, что повсюду носил с собою бинокль. «Что этому новенькому здесь надо?» — закричал он уже издалека.

Йенс сказал: «Новенький тут сначала немного поудивлялся нашим детективным способностям. Но он уже уходит. Так как я ему уже один раз намекнул, думаю, что второй раз повторять не придется».

Увэ помрачнел: «Ладно, не строй из себя не знаю кого. Я уйду. Но не потому, что вы меня не берете к себе, а потому, что вы как глупые носитесь с совершенно глупой игрой. Детективы, ха!»

Он увидел, как у Йенса и Детлефа от гнева сжались кулаки, но, прежде чем они успели что-то предпринять, Увэ быстро добавил: «Вы что, и правда считаете, что все знаете?»

«Вне всякого сомнения, глупыш», — процедил Йенс. «Ну тогда скажите, кто этот тип, который в последнее время разъезжает тут на „Хонде“?»

Вообще-то он был почти уверен, что они это знают. И с тем большим удовлетворением заметил, что здесь он попал прямо в яблочко. Торстен, чье самолюбие было задето, выпалил: «Мы, может быть, и не знаем, как его зовут, зато у нас есть номер его мотоцикла. Я тебе сейчас покажу, он записан у меня в блокноте».

Увэ снисходительно махнул рукой: «Ах, ладно. Номер мне не нужен, он у меня у самого есть. Я просто думал, что вы все знаете».

Он развернулся и с высоко поднятой головой пошел вниз по улице.

Керстин бежала изо всех сил. До мельницы оставалось уже совсем немного. Она радовалась, что скоро снова увидит своих котят. Вот только тяжелая сумка, куда она уложила все, заказанное дедушкой Феллингером, оттягивала руку и мешала ей бежать быстрее.

Перед домом стояла машина. Приземистый спортивный автомобиль. Керстин была очень удивлена. Подойдя ближе, она услышала доносившиеся с крыльца голоса.

«Прошу вас, подумайте еще раз хорошенько, господин Феллингер! Такого прекрасного предложения вы больше ни от кого никогда не получите!» — говорил кто-то дребезжащим голосом.

«Мне не нужны никакие предложения: ни прекрасные, ни ужасные, — ответил дедушка Феллингер. — Потому что свой дом я продавать не собираюсь. Это я вам уже говорил, и не раз. Мне кажется, я выразился совершенно ясно».

В голосе его собеседника звучало наигранное дружелюбие: «Мы, конечно же, безоговорочно уважаем ваше решение, господин Феллингер. Поверьте, мы желаем вам только добра. Ну что вот вы будете делать здесь один, на отшибе, если, например, заболете?»

«Спасибо большое, что вы обо мне так печетесь!»

Даже на расстоянии Керстин слышала по его интонации, что он ни на минуту всему этому не поверил.

«Мы, конечно же, тоже заинтересованы в том, чтобы вы нам все это продали. Глупо было бы это скрывать. Да и не нужно, ведь в том, что за такой старый дом мы готовы заплатить такую высокую цену, нет ничего постыдного. Но мы думаем и о вас, господин Феллингер!»

«Ну и что проку будет мне от вашей высокой цены, если я с кучей денег на банковском счету буду сидеть в доме престарелых и чахнуть от тоски? Ведь радость, которую мне дарит моя земля, я потом не смогу купить ни за какие деньги!»

«Ну что ж, — протребезжал его собеседник, с огромным трудом сдерживая ярость. — Но когда вы в конце концов будете не в состоянии один со всем этим управляться и все-таки захотите все продать, может быть, будет уже поздно! Мы ведь не можем позволить нашему капиталу лежать без дела в ожидании, когда же вы наконец... Я имею в виду, мы не можем позволить себе ожидать вашего решения слишком долго!»

«Никто от вас этого не требует!»

«Ну что ж, — снова повторил другой. — Вот вам моя визитная карточка. Если вы в ближайшее время все-таки передумаете, позвоните. Мы приедем сразу же, как только сможем».

«До свидания, господа».

«До свидания».

Керстин слышала, как захлопнулась входная дверь. Она выглянула из-за угла. Двое мужчин как раз садились в машину. Так как это был открытый спортивный автомобиль, она услышала, как обладатель дребезжащего голоса что-то тихо сказал своему спутнику, что-то вроде: «Он у меня еще попляшет!» Но, может быть, он выразил эту мысль немного по-другому. За точность этих слов девочка поручиться не могла.

Взревел мотор, машина развернулась и промчалась мимо Керстин так быстро, что аж щебенка брызнула из-под колес.

Керстин дернула за шнурок старинного звонка, висевшего возле входной двери, и внутри дома раздалось оглушительное дребезжание. На пороге появился старик с огромным носом и добрыми глазами.

«Ах, это ты, Керстин!»

«Кто это был, дедушка Феллингер?»

«Люди, которые непременно хотят купить мой дом».

«Но ты ведь его не продашь!»

«Нет. А этим назойливым людям тем более!»

«Они тоже хотят жить здесь в лесу?»

«Да нет, малышка, жить они здесь не хотят. Они хотят из него сделать ресторан».

«Ресторан? Это куда люди приходят покушать?»

«Да, и по идее это будет что-то очень изысканное. Они говорят, что уже и проект разработан. Хотя я совершенно недвусмысленно заявил, что не собираюсь расставаться с домом».

«Но тогда и мои котята не смогут здесь жить?»

«Конечно, нет. Но давай больше не будем об

этом говорить. Ты принесла заказанное мной у мясника?»

«Да, — Керстин порылась в кармане брюк. — Вот еще 5 марок и 35 пфеннигов. Сдача».

«Огромное тебе спасибо! Это большая для меня помощь. Пойдем сначала проведем котят, а потом в сад. Сливы уже спели, и ты можешь их есть, сколько твоей душеньке угодно. Можешь и домой несколько штук взять».

«О, я очень люблю сливу».

Старик отодвинул засов на двери подвала и спустился по лестнице вниз, Керстин последовала за ним. Судя по всему, котята чувствовали себя здесь прекрасно. Они весело возились в корзине, перелазили друг через друга и время от времени лакали молоко из миски, стоявшей рядом. Кошка умиротворенно наблюдала за их возней, растянувшись рядом с корзиной.

«А ты их уже назвал как-нибудь?»

«Да, знаешь ли, мне показалось слишком уютным каждому придумывать подходящее имя. И, кроме того, мне нипочем не запомнить четыре новых имени, для этого я уже слишком стар. Поэтому я решил назвать их просто Альфа, Бета, Гамма и Дельта».

«Как? Альфа?..»

«Это первые четыре буквы греческого алфавита. Вот этот черненький — Альфа. Этот, с белыми носочками, — Бета; вот этот — Гамма, видишь, у него тут пятнышко на спине, а серый — Дельта».

«Ой, как здорово! Значит, Альфа — этот, Бета — вот этот, а это...»

«Гамма».

«Гамма. Серого зовут Дельта».

«Они тут уже вполне освоились. Мама их недав-

но совершила прогулку, исследовала окрестности и, вероятно, довольная увиденным, вернулась в подвал».

«Здорово. Мама сказала, чтобы я передала тебе от нее привет. Она благодарна тебе за то, что ты приютил котят. Она хотела тебе позвонить, но не смогла найти номера твоего телефона. Там было несколько Феллингеров».

«Я — Август Феллингер, можешь ей передать. Я тебе могу записать номер моего телефона на бумажке. И если твои родители захотят когда-нибудь в воскресенье прогуляться — здесь они всегда будут желанными гостями».

«Я передам им это. А сейчас, может быть, пойдём к сливам?»

«Да, ты, похоже, проголодалась. Ну что ж, тогда пошли!»

Старик медленно поднялся по лестнице и, приотворив дверь подвала, направился к калитке в покосившейся изгороди, окружавшей заросший сад. Девочка то и дело забегала вперед, а потом возвращалась и брала старика за руку, как если бы знала его всю свою жизнь.

«Эй, уж не головоломку ли ты тут собираешь?»

Подняв голову от работы, Увэ увидел перед собой полного мужчину средних лет.

«Да», — недружелюбно буркнул он и снова склонился над лежавшими перед ним на каменной стене бумажными обрывками.

«А что это у тебя?»

«Вас это совершенно не касается».

«Ладно, не сердись, мне это совсем и не интересно».

Сказать-то он это сказал, но вот уходить он, по

всей видимости, даже и не собирался. Более того, продолжал выпрашивать дальше.

«На вид я бы дал тебе лет этак 12 или 13».

«Двенадцать».

Увэ перебирал отрывки, пытаюсь понять, какие из них подходят куда. Присутствие постороннего раздражало его, мешая сосредоточиться.

«А вот этот клочок должен быть на самом верху. Видишь, это был когда-то штамп отправителя».

«Точно».

«Ну надо же, на какие мелкие клочки это все изорвали. Это же сколько терпения понадобится, чтобы восстановить письмо в его первоначальном виде!»

Увэ поднял голову:

«Мне вообще-то зрители сейчас совсем ни к чему».

«Да я вовсе и не смотрю. Я только хочу помочь тебе».

«Ну да, но только чтобы помочь, все равно надо смотреть».

«Это да, но я ведь не читаю, что на этих бумажках написано. Эй, вот этот, скорее всего, должен быть в правом верхнем углу: смотри, какие у него ровные края, и совершенно отчетливо видно „Г“».

Увэ пришлось признать, что незнакомец был прав, но он тем не менее не проронил ни слова.

«Слушай, у меня есть предложение: ориентируйся всегда на сгиб. Письмо было сложено один раз так и один раз так. И поэтому сгиб вот тут должен идти в одном направлении».

Увэ разворошил свою кучу бумажек и стал выискивать среди них обрывки со следами сгиба. Незнакомец присел на корточки, чтобы лучше видеть.

«„Уважа...“ — это обращение. Его нужно вот сюда вверх».

«Так вы все-таки читаете...»

«Это твое письмо?»

«Нет».

«Это не ты его написал, и адресовано оно было тоже не тебе?»

«Я же сказал, что нет».

Незнакомец, вертя задумчиво в пальцах клочок бумаги, спросил как бы невзначай:

«А откуда оно у тебя?»

«Нашел».

«Нашел? И прилагаешь столько усилий, чтобы восстановить его?»

«Я ведь уже раз сказал: вас это совершенно не касается!»

Увэ, конечно же, заметил, что со взрослым человеком он разговаривал далеко не так вежливо, как это требовали от него родители. Но сейчас ему было на это наплевать, он начинал не на шутку злиться.

Незнакомец же невозмутимо продолжал: «И, кроме того, вряд ли хорошо воспитанный человек будет вытаскивать из мусорника чужие письма и читать их».

Увэ вздрогнул: «Откуда вы знаете... то есть с чего это вы взяли, что я эти обрывки вытащил из мусорника?»

«Все очень просто: я видел, как ты это делал».

«Да? Так вот почему вы за мной шпионите!»

«Забавно, что человек, крадущий чужие письма из чужих мусорников, обвиняет другого в шпионаже».

Увэ решительно сгреб свои обрывки. «Все, я ухожу».

«Ты что, с ума сошел?! Мы с таким трудом восстановили этот уголок, а ты просто так взял и сгрёб все снова в одну кучу!»

«Признайтесь честно, что вы тоже хотите прочитать это письмо! А ещё — меня воспитываете!»

«Ладно, давай, клади их снова сюда. И аккуратно! Смотри, некоторые лежат здесь стопкой друг на друге. Письмо рвали сложенным, и поэтому они были оторваны все вместе. Это значит, что они лежали во всех четвертях, и причем в одинаковом отношении к центру».

«Э? Что-то я ничего не понял».

«Ты что, по физике и на тройку не натягиваешь?»

«При чем тут физика? И к тому же в физике я очень даже неплохо разбираюсь. Особенно в оптике».

«Знаешь что, давай-ка лучше выберем все кусочки, что были когда-то каймой письма».

Этот незнакомец был довольно-таки занятный человек. Увэ нравилась уверенность, с которой он взялся за дело, и то, что он не поддавался на его провокации, оставаясь все время приветливым. Увэ начал выискивать обрывки с ровными краями.

«Я выберу все клочки, где есть сгиб. Вот посмотришь, через пару минут у нас уже будет „скелет“ и тогда нужно будет только заполнить пробелы».

Увэ поднял глаза на незнакомца. «Вы, видать, в этом деле не новичок».

«Ну да, я вообще-то в какой-то мере специалист по разбитому и разорванному. Послушай, — как бы невзначай сказал незнакомец, вертя в пальцах один из обрывков. — Если ты такой любопытный, то почему не вытаскиваешь из мусорника письма, которые были лишь скомканы? Ведь

чтобы их прочитать, нужно значительно меньше времени».

«Вот именно. Мне просто нравится из обрывков восстанавливать целое. Если бы письмо нужно было только лишь разглядеть, то что было бы в этом интересного?»

«Только не надо пытаться обвести меня вокруг пальца, молодой человек!»

«Я и не пытаюсь!»

«Зачем же ты тогда лазишь по мусорникам, вместо того чтобы, скажем, разорвать газету, а потом пытаться ее сложить? Да потому, что ты непременно хотел знать, что в этом письме написано».

«Да что вы говорите!»

«Слушай, выкладывай все начистоту. Обещаю, что никому ничего не скажу».

«Что, даже и владельцу этого мусорника?»

Непонятно почему, но незнакомец усмехнулся, заверяя: «Уж ему-то тем более! Ты знаком с ним?»

«Да нет, это все произошло совершенно случайно. Я как раз проходил мимо, когда какая-то женщина вытряхнула в мусорник бумаги из бумажной корзины. Тогда-то у меня и появилась эта идея».

«Какая идея?»

«Ну, что тут можно будет узнать что-нибудь интересное. Мои друзья... вообще-то они мне не друзья, но я хочу, чтобы они меня к себе приняли. Так вот, они все время играют в детективов, или в разведчиков, или что-то в этом роде. Ну вообще-то у них это уже больше чем игра. Они собирают настоящую, не придуманную, информацию. Обо всех, кто живет в этом городе. Они, например, наблюдают за людьми, а потом все записывают. Йенс иногда фотографирует. У него — 210-миллиметровый телеобъектив. Он может из своего окна заснять

влюбленных парочек в парке. Так, что всем ясно, кто на фотографии. Детлеф уже пару раз записывал разговоры людей на пленку, когда они об этом не подозревали. Это все ужасно интересно».

«Ах вот как. И они тебя примут, если ты раздобудешь парочку интересных сведений».

«Ну да. Но я не знаю ничего, что бы им самим уже давно не было известно. Вот если бы у меня был 500-миллиметровый телеобъектив, я бы утер нос Йенсу. Но они все такие дорогие. К тому же мы здесь совсем недавно. Поэтому я не могу собирать слухи, как Гаральд. У его тети свой магазин, и она вечно болтает с покупателями и знает все, что делается в округе».

«И ты хочешь добыть сведения, так сказать, нечистым путем?»

Хотя вопрос и прозвучал довольно строго, выражение лица незнакомца оставалось приветливым.

«Почему это нечистым?»

«Рыться в мусоре других людей — занятие грязное вдвойне».

«Я не рылся, а целенаправленно искал».

«Ну да, ну да, письма».

«Нет, не только. У меня появилась конкретная идея, когда я увидел, как женщина высыпала в мусорник бумаги. Я целенаправленно искал разорванные письма».

Выражение дружелюбной строгости на лице незнакомца сменилось гримасой непонимания. Заметив это, Увэ пояснил: «Ну да, если человек все свои бумаги комкает и только отдельные письма разрывает на мелкие кусочки, то из этого сам собой напрашивается вывод, что именно эти письма он и не хочет, чтобы кто-то прочел».

«Логично! Я бы сказал, что уже из-за одной этой идеи ты был бы достоин стать членом Клуба детективов!»

«Вы это серьезно?»

«Абсолютно! Но еще лучше было бы, если бы ты смог узнать что-либо интересное!»

Оба снова вернулись к своему занятию, требовавшему от них немалого терпения. Вскоре рамка письма была почти готова, и они могли заняться серединой.

Незнакомец спросил: «Теперь, когда мы будем восстанавливать написанное, мне все-таки придется прочитать текст. Ты как, согласен?»

«Мне-то что, читайте!»

Увэ с удивлением смотрел, как споро шла у незнакомца работа. Можно было подумать, что тот знал, как в конечном результате должно было выглядеть их письмо.

«Поднимается ветер. Если он все это унесет, мы с тобой не сможем продолжать».

«Смотрите-ка, здесь уже можно кое-что прочитать: „...говорит мне совесть. Моя жена“ — тут это обрывается».

Незнакомец пристроил внизу еще один обрывок и тоже прочел несколько слов: «бы он узнал, как велика моя вина, он бы...»

«Вот это да!» У Увэ дух захватило от восторга. «Здесь идет речь о вине! Мы действительно попали на след преступления! Вот было бы здорово! Да если бы я с подобным появился в той компании, они бы меня сразу же к себе приняли!»

«Ты думаешь?»

«Ну конечно! И телеобъектива с микрофоном было бы не нужно! Подумать только, настоящее преступление! Такого улова у них в жизни еще не было!»

Незнакомец, казалось, совсем не разделял восторга мальчика и молча вертел в пальцах бумажный клочок. Но радость Увэ вскоре улетучилась: «Вообще-то нет. Это вряд ли имеет отношение к настоящему преступлению. Скорее всего, что-то религиозное. Вот смотрите: на этом обрывке написано „Иисус“. Я только не знаю, куда его...»

«А здесь написано: „чтобы я получил прощение...“»

«А это что за слово?»

«Пастор».

«Пастор? Это что, письмо священнику? В конце концов окажется, что там живет священник!»

Незнакомец усмехнулся: «Ну и что? Трагедии-то в этом нет?»

«Да нет, трагедии нет. Но если это все религиозное...»

«Тогда что?»

«Тогда ничего интересного здесь нет».

«Ты думаешь? Ну, теперь прочти это все целиком».

Увэ склонился над письмом. Почерк был далеко не каллиграфический, да и незаполненных мест было немало. Но общий смысл понять все-таки было можно. И чем дальше Увэ читал, тем больше он удивлялся. «Нет, ну надо же!»

«И что там такого интересного?»

«Ну что тут один добровольно пишет о том плохом, что он сделал».

«Ничего особо удивительного в этом нет. Он ведь объясняет, почему он это делает. Потому что чувствует себя виноватым перед Богом».

«Перед Богом?»

«Ну да, смотри, это же тут вот написано».

«Да, но все равно, такое другим людям не пишут!»

«Еще как пишут! Рассказав или написав такое другому, человек чувствует, что с души его упал огромный камень, что он освободился от этого гнета. Разве с тобой такого никогда не было?»

«Нет, конечно! Если я что-то сделал такое, о чем никто не должен знать, то я и храню это в тайне».

«Ну а если ты знаешь, что эта твоя тайна все равно раскрыта?»

«Ну да, ну да, я уже знаю, к чему вы клоните: Бог видит все».

Незнакомец, который все это время сидел на корточках, чувствуя, что у него начали затекать ноги, поднялся и сел рядом с мальчиком так, чтобы письмо лежало между ними. «Правильно, — сказал он при этом. — Вот смотри, когда твои друзья на каждого жителя нашего города завели секретное досье...»

«А что такое „досье“?»

«Эта такая папка с документами, в которых все записано о каком-то человеке. Допустим, где-то есть такая папка, в которой были бы собраны все сведения о тебе. Там были бы и фотографии, сделанные в самые сокровенные для тебя моменты. Может быть, даже с помощью специальной аппаратуры, в темноте. А еще бы там были магнитофонные ленты с записью самых язвительных, а также самых глупых фраз, когда-либо тобою сказанных. Там были бы подробно описаны все твои мысли: зависть и ревность, жадность и лукавство по отношению к родителям, братьям и сестрам, одноклассникам и учителям. Ну а на обложке была бы наклеена фотография, сделанная в тот момент, когда ты рылся в мусорнике...»

«Но ведь это было бы просто ужасно!»

«Конечно. А теперь представь: Бог знает о тебе

все. Он, конечно же, не разбалтывает ничего: ни плохого, ни хорошего. Но хорошенько подумав, ты согласишься, что хорошее в тебе отнюдь не перевешивает плохого».

Увэ молчал, пристыженный. И вдруг он вскинул голову: «Вы что же, собираетесь давить мне на совесть?»

«Мы говорили о том, что побудило человека написать вот это письмо. Я как раз собирался тебе это объяснить. Этот человек осознал, что Бог видит его насквозь. Перед другими людьми он может притворяться, делать вид, что у него все в порядке, но Бог знает о нем абсолютно все. И это его очень встревожило. Он очень хотел, чтобы Бог его простил. Чтобы Бог, так сказать, стер все записи на магнитофонной ленте, уничтожил бы все протоколы с описанием его вины».

«А это можно?»

Незнакомец кивнул: «Да, можно. Бог пообещал, что простит любую вину».

«Просто так?»

«Нет, не просто так. Бог за это заплатил высокую цену. Он послал Своего Сына. Он пришел на землю как человек...»

«Иисус».

«Правильно, Иисус. Он умер на кресте, хотя и был невиновен».

«Всю эту историю я уже знаю. Он делал только хорошее, и все равно Его убили. Это было подло».

«Да, но Иисус не был просто жертвой подлости этих людей. Он Сам, добровольно, пошел на смерть».

«Добровольно?» Увэ, конечно же, и раньше об этом слышал, но все равно это никак не укладывалось у него в голове.

«Для того, чтобы помочь нам», — пояснил незнакомец. Его глаза смотрели на мальчика очень дружелюбно; он, казалось, сам радовался тому, о чем говорил. У Увэ было такое ощущение, что все, о чем он говорил, было правдой.

«Отец Небесный, — продолжал тот, — возложил на Иисуса все грехи людей. Поэтому Он должен был умереть. Но не за Свои грехи, а за грехи других людей. Всех людей. И за твои, и за мои грехи тоже».

Увэ сидел молча, уставившись на составленное из обрывков письмо, но не видя его. Перед его глазами стояла картина разбитого стекла и старика, испуганно вскакивающего с постели.

Незнакомец продолжал: «И когда кто-нибудь просит у Бога прощения, ссылаясь при этом на Иисуса, тогда Бог снимает с него всю вину!»

«Он разрывает досье — или как это там называется?»

«Правильно. Причем разрывает его на такие маленькие кусочки, что уже никто не сможет его восстановить».

«Гм, — только и сказал Увэ. Потом, помолчав, добавил: — Этот человек, наверное, знал об этом. Поэтому он и написал пастору. И что ему ответил пастор?»

«Он написал ему так: „Вы можете быть полностью уверены, что Бог простил вам все ваши грехи. В Библии написано, что Он уничтожает всякую память о любом преступлении, когда мы в нем честно перед Ним признаемся“».

«Гм».

Вдруг Увэ вскинул голову: «Скажите, а откуда вы знаете, что он ему написал?»

Незнакомец улыбнулся: «Как же ты, детектив, все еще об этом не догадался?»

«Неужели... вы что, и есть этот пастор?»

«Ну да, я — владелец этого мусорника».

«Ну и глупый же я!»

«Ах, не надо преувеличивать!»

«А вы что, сейчас... Ну, то есть я был бы вам очень благодарен, если бы мои родители ничего об этом не узнали».

«По этому поводу можешь не беспокоиться». При этом незнакомец улыбался настолько дружелюбно, что Увэ просто диву давался.

«Но почему вы этого сразу не сказали? Ну, то есть, когда вы наблюдали за мной из окна — вместо того, чтобы сидеть со мною и раскладывать обрывки, вы бы могли меня дрыном...» Он запнулся.

Пастор с дрыном — это как-то не вязалось друг с другом.

«Или вы могли бы на меня накричать и прогнать!»

«Этому есть несколько причин. Во-первых, ты бы наверняка повторил это в другом месте».

«Но неужели же вы совсем не разозлились?»

«Знаешь, твое рыскание в нашем мусорнике было как раз на границе между глупой мальчишечьей выходкой и проступком, требующим наказания. Я решил отнести его к разряду мальчишечьих выходок. Надеюсь, ты не будешь возражать».

«Гм».

«И кроме того: если бы я тебя сразу прогнал, то не смог бы сказать тебе всего того, что я тебе до этого сказал. Ты бы, может быть, никогда не узнал, что Бог тебя любит и хочет тебе помочь».

«Гм».

«А письмо это, надеюсь, я могу взять с собой. Тебе в вашей компании детективов от него не

будет никакого проку. Кстати, если они не хотят принимать тебя к себе, я могу предложить тебе кое-что другое. В помещении нашей церкви каждый четверг собирается молодежь. Приходи и ты! Там тебе не надо ни проверку проходить, ни тайную информацию добывать».

«В четверг, говорите? А во сколько?»

«В шесть — подростки, это как раз твои сверстники, а в восемь — ребята постарше. Ну, а теперь мне пора».

Он встал и сгреб бумажки в кучу.

«А можно еще спросить?»

«Да?»

«Вы рвете все письма, когда вам кто-либо такое вот пишет?»

«Конечно!» — ответил пастор. И улыбнулся. «В будущем мне их придется, наверное, сжигать. На тот случай, если кто-то опять будет рыться в моем мусорнике». Но тут он снова стал серьезным: «И все то, что мне кто-то доверяет в разговоре, остается навсегда тайной между нами и Богом».

Увэ смущенно рассматривал носки своих ботинок. «Ну а если, скажем, я расскажу вам — ну, то есть, это... я скажу, что у меня ну... что плохого я сделал...»

«Это тоже останется тайной. Мы только вместе расскажем это в молитве Богу. Никто из людей об этом не узнает. Может быть, мы все это даже забудем. Даже Бог, когда Он простит, больше не будет об этом помнить».

«Вот здорово!»

«Да, но теперь мне действительно пора. И не забудь: в четверг в шесть».

«Хорошо».

«И ты уверена, что он мне заплатит?» — спросил Увэ скептически.

«Можешь не сомневаться, — Керстин уже начала злиться. — Он мне прямо так и сказал. Если ты будешь прилежно работать, получишь пять марок».

Она ускорила шаг, и Увэ едва поспевал за ней. Обычно все было наоборот. Честно говоря, эти пять марок ни в какое сравнение не шли с ночными тридцатью. Но что ему оставалось делать? Другого способа раздобыть деньги он не видел.

«Что, до самого вечера?» — начал он снова.

«Ну как тебе не стыдно! Деньги-то эти нужно заработать. Бери пример с меня! Я ведь помогаю, не получая за это ни копейки!»

«Ну да, за это он кормит твоих котят. К тому же ты еще слишком мала и не можешь полоть как следует. А я этим уже не раз занимался, когда на каникулах был у дяди Эрнста. От тебя там, наверное, больше вреда, чем пользы. Ты выдергиваешь полезные растения, а сорняки оставляешь. Вообще-то это ты должна платить ему деньги за то, что он тебя пускает в свой сад».

«Какой же ты гадкий», — Керстин всхлипнула. Но когда брат с улыбкой хлопнул ее по плечу, все обиды были тут же позабыты.

«Слушай, а куда ты меня ведешь? Тут вообще есть жилье?»

«Сейчас уже покажется дом. Вот только минем поворот...»

Лес закончился, и их взгляду открылась живописная долина с прудом и мельницей. Увэ застыл на месте как пораженный.

Это был тот самый дом, в котором он в ту ночь разбил окна. В этом не было никаких сомнений!

Он не догадался об этом раньше только потому, что тогда, ночью, он подошел к нему с другой стороны.

«Я туда не пойду!»

«Что?»

«К дому я не пойду!»

«С чего это вдруг? Помнится, тебе ужасно хотелось подработать!»

«Гм, почему бы и нет», — подумал Увэ. Старик-то его не знал. И, кроме того, он никак не мог придумать убедительную причину, почему он не хотел туда идти.

«Ну да ладно, — сказал он наконец. — Пошли!»

Пройдя еще метров сто, они вышли к ручью и заросшему саду. На душе у Увэ, вслед за Керстин направившемуся к дому, было беспокойно. Он застенчиво остановился невдалеке от крыльца, а Керстин, энергично дернув за шнур звонка, возвестила об их приходе.

Старик распахнул дверь. «Я очень рад тебя видеть, Керстин!»

Увэ отметил про себя, что тон у него был самый что ни на есть дружелюбный. Это особенно бросилось ему в глаза, так как он уже начал побаиваться, что столкнется здесь с ворчливым старикашкой, который скрипучим голосом и грубыми словами погонит их на работу.

«А это, значит, твой брат Увэ! Спасибо, что ты согласился прийти и немного помочь. Знаешь, такому старику, как я, никак не обойтись без посторонней помощи».

Говоря это, он улыбался Увэ настолько доброжелательно, что тот пришел в полное замешательство.

Серые, лучившиеся добротой глаза совсем не

вязались с обликом человека, которому он совсем недавно доставил столько неприятностей.

«Знаете, — продолжал между тем старик, спускаясь в подвал за тляками, — я очень рад, что есть еще дети, готовые помогать другим. Ведь сегодня в мире так много злых людей».

Керстин пояснила брату, что дедушка Феллингер имел под этим в виду: «Они всячески стараются ему навредить. Они отравили его собаку, разломали ограду, а один раз даже выпустили из пруда всю воду».

«Ну да, — добавил старик, поднимаясь по лестнице из подвала, — на днях они мне ночью разбили два окна!» Он протянул им по тляке. «Но хватит о печальном. Я очень рад, что вы здесь и хотите мне помочь».

От стыда Увэ готов был провалиться сквозь землю. Ведь это он причинил этому беспомощному старику, не сделавшему ему ничего плохого, столько вреда! А сейчас он так с ними радушен! И к тому же принимает его за добросердечного помощника! Если б он только знал об этом раньше! Он бы ни за что на свете не стал бы разбивать окна такому доброму человеку!

А теперь он пришел, чтобы заработать денег, а старик его еще так сердечно за это благодарил. Увэ окончательно был сбит с толку.

Не смея поднять глаз, мальчик следовал за стариком Феллингером в сад. Он был настолько поглощен мыслями, что не слышал, как старик объяснял, что и где им надо прополоть. Лишь только после того, как Керстин с жаром принялась махать тлякой, взялся за работу и Увэ.

Чем больше он об этом размышлял, тем непоколебимее становилось его решение. Нет, за эту рабо-

ту денег он взять не может. Никогда. Ему ведь всю жизнь будет невыносимо стыдно при мысли о том, что после всего сделанного ему еще и заплатили!

Нет, напротив, сейчас он будет работать еще усерднее, чтобы хоть как-то загладить свою вину за разбитые окна.

Проходили час за часом.

Керстин стала заметно сдавать. У нее разболелась спина, онемели пальцы, от трудового азарта давно не осталось и следа. Все чаще и чаще она была вынуждена делать перерыв, и тогда, отыскав глазами брата, она просто диву давалась. Он с таким рвением выпалывал чертополох и крапиву, что она просто глазам своим не верила.

Он уже сделал в четыре раза больше, чем она, но продолжал работать с таким же рвением, что и в начале.

Керстин вздохнула с облегчением, увидев шагающего к ним от дома дедушку Феллингера, который уже издали закричал: «Заканчивайте, быстренько заканчивайте! И без разговоров! Если кто увидит, сколько ты, Увэ, сделал, то, еще чего доброго, подаст на меня в суд за эксплуатацию детского труда! Клади свою тяпку!»

«Еще только одну грядку...»

«Никаких грядок! Если кто работает, как раб, то и повиноваться он должен тоже беспрекословно. Заканчивай! Это приказ! Пора есть пирог».

Увэ медленно выпрямился и только сейчас заметил, как сильно у него болела спина.

«Керстин, покажи своему брату, где он может вымыть руки. А потом приходите вот туда, видите, где стоят стол и стулья? Я же пока схожу за пирогом и молоком».

Шагая вслед за Керстин к дому, Увэ слышал, как

старик Феллингер бормотал себе под нос: «Надо же, какие замечательные дети! Есть же еще такие на белом свете! Такие добрые и трудолюбивые!»

Ах, лучше бы он этого не говорил! Увэ вдруг понял, что больше не в силах выслушивать все эти похвалы. Во время мытья он окончательно утвердился в своем решении. Никаких пирогов он здесь есть не будет! Ему кусок поперек горла станет. Еще одно доброе слово, и он не выдержит и разревется. Прочь отсюда, прочь, и как можно быстрее.

Увэ наспех вытер руки. «Ладно, я пошел, пока», — бросил он удивленно смотревшей на него Керстин. Уже стоя за калиткой, он прокричал старому Феллингеру: «Мне нужно идти, до свидания!»

«Что так быстро? Ты не хочешь пирога? А деньги твои? Увэ!» Но тот уже ничего не слышал. Он бежал по тропинке прочь от дома.

«Что это с твоим братом?» — спросил дедушка Феллингер Керстин, когда она появилась на пороге.

«Сама не знаю. Таким я его еще не видела».

«Странно. Ну да ладно, придется тебе отнести ему его деньги. Он их честно заработал. А еще тебе придется есть пирог со сливами за двоих».

«Конечно, конечно», — поспешила заверить его Керстин (пирог со сливами она просто обожала) и устало опустилась на стул.

Четыре детектива сидели в дальнем углу детской площадки на заборе и возбужденно беседовали.

«Там уже как минимум 220 марок, — говорил Торстен, маленький толстяк, — или даже 225».

«Или, может быть, 223 марки и 16 пфеннигов? Слушай, ну какой из тебя казначей, если ты этого не знаешь точно! — разозлился Йенс. — Никому ничего нельзя доверить!»

Здесь в разговор вмешался Гаральд: «Как бы то ни было, но скоро мы соберем нужную сумму. Еще одна такая операция...»

«Но осталась нерешенной еще одна проблема, — подал голос Детлеф. — Кто зарегистрирует ее на свое имя?»

«Как это — зарегистрирует?» — спросил Торстен.

«Ну да, чтобы пользоваться рацией, надо сначала получить разрешение...»

«От полиции?»

«Нет, от почтового отделения, — ответил Йенс. — Я тебе это уже три раза объяснял, лопух».

«Я ничего такого не слышал», — надул губы Торстен.

«Прочисти уши», — посоветовал Детлеф.

Несколько минут все молчали, потом Гаральд спросил: «А это можно? Ну, то есть можно ли кому-то из нас ее зарегистрировать? Наверное, это должен быть все-таки кто-то взрослый?»

«Гм. Здесь ты прав, — откликнулся Йенс. — Нужно будет спросить».

Торстен уже забыл, что ему сделали выговор, тем более, что это случилось с ним не так уж и редко. «Если надо, я могу попросить своего старшего брата зарегистрировать ее на свое имя. Ему уже 21».

«Ну наконец-таки мы дождались от тебя чего-то дельного», — похвалил его Йенс. А Детлеф добавил: «Но только с самого начала должно быть четко оговорено, что принадлежит она нам. Чтобы он потом вдруг не...»

«Ну разумеется! О чем речь! Она будет нашей общей, и мы все вместе будем с ней работать. Я брату это...»

«Смотрите, опять „Хонда!“» — прервал его на полуслове Гаральд.

Все головы как по команде повернулись туда, куда указывал рукой Гаральд. Но особой нужды в этом не было. Рев тяжелого мотоцикла наполнил улицу, и через несколько секунд мотоциклист затормозил прямо перед четырьмя мальчишками.

«Эй вы, грамотеи, — донеслось из-под шлема. — Вы говорят, все всегда знаете?»

«Разумеется!» — хвастливо заявил Торстен.

«Ну тогда вы наверняка знаете, почему старый хрыч с мельницы больше не появляется в городе. Он что, одряхлел настолько, что не осилит дорогу?»

«Да нет, — ответил Детлеф. — Просто все, что ему нужно, для него покупает другой. И к тому же он многое заказывает по телефону».

«Вот как. И кто же это все для него покупает?»

Торстен уже и рот открыл, чтобы ответить, когда вмешался Йенс: «Придержи язык!»

На несколько минут воцарилась тишина, потом из прорези в шлеме раздалось: «Ну что, оказывается, вы не все-то и знаете?»

Мальчишки повернулись к Йенсу. Они никак не могли понять, с чего это он вдруг прервал Торстена. Но тот не спешил с ответом.

«Мы знаем много, — начал Йенс неторопливо, — но, к сожалению, не все. Мы не знаем, к примеру, сколько ты готов заплатить за эту информацию».

У троих друзей открылись рты от изумления. А он малый не промах, этот Йенс.

Мотоциклист пробурчал что-то, потом стянул с руки перчатку и несколько неуклюже полез в карман. Наконец он вытащил кошелек, порывлся в нем и небрежно кинул Йенсу монету: «На, лови!»

Мальчик ловко поймал монету, положил на ладонь и показал ее друзьям.

«Две марки!» — констатировал Торстен.

«Вам не кажется, что этого будет маловато?»

«Да уж, не жирно», — поддакнул Гаральд Йенсу. А Детлеф добавил: «Это стоит в два раза больше».

«Скажем, пять!» — решил Гаральд.

Йенс попытался рассмотреть в прорези шлема глаза мотоциклиста. «Ты слышал. Большинство придерживается мнения, что так дешево мы информацию не продаем. Учти, что мы можем рассказать тебе все в мельчайших подробностях».

Тот пробурчал: «Ну уж нет, шантажировать себя я не позволю. Я и сам могу узнать все, что мне нужно».

«Ну и узнавай! На, лови!» И с этими словами Йенс кинул ему монету. Но поймать ее мотоциклист не смог, и она покатила по дороге.

Никто не встал, чтобы ее поднять. Мотоциклист счел явно ниже своего достоинства слезать из-за нее с мотоцикла. «Возьмите ее себе. Маленькое вознаграждение за верную службу. Вот вам пять марок».

Он специально бросил монету так, чтобы Йенс не смог ее поймать, но Гаральд, быстро наклонившись вперед, все-таки схватил ее.

Йенс усмехнулся: «Ну, теперь, Торстен, можешь ему сказать».

Торстен отрапортовал как по написанному:

«Продукты для него почти каждый день покупает одна восьмилетняя девочка. Ее зовут Керстин Нагель, она со своими родителями и братом только недавно сюда переехала. Они живут на улице Готенвег, дом номер 18, на втором этаже. Когда она покупает для него продукты, то выходит из дома чаще всего в 14 часов и идет сначала к мяснику, потом в булочную, а потом в продуктовый магазин

на углу, где покупает два пакета молока. Примерно в полтретьего она отправляется в лес и домой возвращается часам к шести».

«Вот видите, это была очень удачная сделка. Думаю, нам нужно будет продолжать наше сотрудничество».

«За нами дело не станет», — откликнулся Детлеф.

«Да, но в последний раз вы отказались».

«Ну да, отравить собаку — это не то, что поломать забор! Убивать животных — нет, это без нас!» — выпалил Детлеф, а Йенс добавил: «Но ты, кажется, нашел нам замену».

«Скажем так: я могу обойтись и без вас».

«Мы без тебя тоже».

«Это точно. И это меня вполне устраивает. Никто никому ничего не должен. Определенное сотрудничество на определенное время в рамках определенной операции, в остальном же нам нет никакого дела друг до друга».

Несколько минут все молчали. Потом мотоциклист снова заговорил: «Кто-нибудь хочет немного со мной прокатиться?»

Конечно же, всем этого хотелось. Но Йенс сказал: «Даже и не пытайся нанять кого-нибудь одного из нас. Или всех — или никого».

В голосе мотоциклиста послышались злые нотки: «Что, очень грамотный?»

«Ближе к делу, — потребовал Йенс. — У тебя есть что нам предложить или нет?»

«Вы будете молчать, как рыбы, даже если не захотите выполнить это поручение?»

«Никому ни слова!» Другие согласно кивнули.

«На вашем месте я бы очень постарался сдержать это обещание, иначе вам придется плохо. Вы

уже влипли в это дело по уши. Я, впрочем, тоже, но меня здесь никто не знает».

Торстен решил похвалиться: «У нас есть номер твоего мотоцикла!»

Мотоциклист пренебрежительно усмехнулся. Друзья этой улыбки хотя и не увидели, но догадаться о ней можно было по тону его голоса: «Номер моего мотоцикла! Да что ты! Ты что меня за дурака принимаешь? Не надо судить о других по себе!»

«Ну так что? Что мы должны делать и что мы будем с этого иметь?» — прервал его нетерпеливо Детлеф.

«Приставайте к девчонке, так чтобы она испугалась и больше не ходила одна в лес. Запугайте ее хорошенько, наезжайте на нее велосипедом, забирайте у нее сумку, если хотите, можете даже ее отлупить — главное, чтобы она прекратила...»

«Этого мы делать не будем!» Вообще-то Гаральд никогда не задавал в их компании тона, но сейчас он выпалил это со всей решительностью, даже не удосужившись спросить мнения друзей.

«Обижать маленьких девочек! Я считаю, что это просто подло!»

Йенс, конечно, не стал бы так горячиться. Он знал, что у Гаральда была шестилетняя сестренка, которую он очень любил. Может быть, поэтому он был так категорично против всего этого. Но в общем и целом он был, конечно, прав. Обижать девочку так же подло, как и отравить собаку.

Да и вообще все здесь было довольно подлым. Но ведь на этом можно заработать деньги. У этого мотоциклиста они, кажется, всегда водятся. Отказаться вообще от всякого с ним сотрудничества — нет, такое Йенсу было не под силу. Поэтому он и

подвел итог, тщательно подчеркнув разницу: «Гаральд прав. Никакого насилия против людей и животных. Лишь против вещей». Это выражение он недавно услышал в одной телепередаче.

«Ну что ж, как хотите. Я просто хотел предложить вам неплохо заработать. За это я готов заплатить 50 марок».

Никто из четырех ничем не выдал своего восторга.

«Вы же говорили, что старикан часто звонит по телефону. Телефонный кабель наверняка идет через лес?»

«Конечно. На столбах линии электропередачи».

«Ну надо же, такое легкомыслие. Ведь его так легко повредить!»

В этот раз Торстен сообразил на удивление быстро: «Но ведь это же карается законом, такое ломать-то!»

«Да что ты говоришь! А что, за снесение чужих заборов полиция выплачивает вознаграждение?»

Детлеф покачал головой: «Да, но это все довольно небезопасно!»

«Ну и что же в этом такого опасного? Нужно только разобраться, где телефонный кабель, а где электропровода. Перепутав, вы окажетесь в щекотливом положении. Мне вас просто жаль, а так вообще-то мне все равно, что вы там перережете. Ха, ха, ха!»

Мотоциклист, по всей вероятности, счел свою шутку необыкновенно остроумной, потому что хохотал так, что аж шлем подпрыгивал.

Наконец он успокоился. «Завтра на этом же месте в это же время — доложить об исполнении и получить деньги. Согласны?»

«Все ясно, — кивнул Йенс. — 50 марок».

«Клеши, я надеюсь, вы найдете и на столб взобраться тоже сумеете! Ну, тогда пока!»

«Хонда» взревела, и он умчался.

С громким криком мальчики устремились из зала.

Увэ не спеша, с достоинством, направился вслед за ними.

К нему подошел мальчик с длинными волосами цвета соломы.

«Привет!»

«Привет».

«И как тебя зовут?»

«Увэ. А тебя?»

«Стефан. Ты здесь новенький?»

«Вообще-то, да. Мы переехали сюда из Дюссельдорфа».

«Ясненько. А ты там тоже был в какой-нибудь церкви?»

«Нет».

За разговором они не заметили, как очутились на улице. Там, прислонившись к дереву, стоял еще один мальчик примерно их возраста. Они втроем были самыми старшими в этой группе, всем остальным, наверное, не было еще и одиннадцати.

«Это Джимо, — представил мальчика Стефан. — Вообще-то его зовут Джиуэрмо, он из Испании. Но это слишком сложно, и поэтому мы зовем его Джимо».

«Мои родители испанцы, — сказал Джимо. — Я родился в Германии».

Джимо был крепкий, мускулистый мальчишка с густыми черными выющимися волосами — прямая противоположность долговязому блондину Стефану.

Стефан повернулся к своему другу: «Это новенький — Увэ».

«Привет, Увэ! Это ведь ты пришел с пастором?»

«Ну да, я... Мне нужно было кое-что с ним обсудить».

Мальчики совсем не удивились, как того ожидал Увэ. Они только кивнули головой, и Стефан сказал: «Мировой мужик. На него можно положиться».

Джимо спросил: «А где ты живешь?»

«Улица Готенвег 18».

«Я могу тебя немного проводить. Ты пойдешь с нами, Стефан?»

«Разумеется, у меня еще есть время».

Несколько минут они шли молча. Потом Стефан, лишь бы только не молчать, спросил: «А ты будешь в нашем классе, когда каникулы кончатся?»

«Не знаю. Наверное».

«А ты теперь всегда будешь приходить на занятия для подростков у нас в церкви?» — поинтересовался Джимо.

«Я думаю, да. Сегодня мне понравилось».

«Ты веришь в Иисуса?»

«Ясное дело».

«Я хочу сказать, так, что ты на самом деле Ему принадлежишь».

«Я знаю, что ты имеешь в виду. Пастор мне это уже объяснил. Это когда человек разговаривает с Иисусом. И точно знает, что сейчас уже все в порядке. Что Он всегда готов помочь».

«Точно. Знаешь, когда мы со Стефаном были в летнем лагере, то решили быть верными учениками Иисуса. Мы помогаем друг другу, чтобы твердо стоять в вере. Мы обсуждаем наши проблемы и все такое... И мы молимся вместе».

«Поэтому мы и ходим на занятия для подростков, хотя все остальные немного младше нас, — добавил Стефан. — Но это очень важно — общаться с другими, которые тоже верят в Иисуса».

«Для меня все это довольно ново, — пояснил Увэ. — По-настоящему я верю в Иисуса лишь с сегодняшнего утра, когда я молился вместе с пастором».

«Ты прав, это не так уж давно!» — улыбнулся Джимо. Увэ улыбнулся ему в ответ, и всю его скованность как рукой сняло: «Как там у Шиллера — мы читали в школе — „Позвольте мне вступить...“»

Мальчишки дружно подхватили: «...в союз ваш третьим».

Стефан спросил: «У тебя есть завтра время? Я сейчас как раз собираю модель корабля с дистанционным управлением. Мы бы могли вместе провести испытания».

«Здорово. Но я могу лишь до обеда — после обеда мне надо полоть грядки».

«У вас что, есть свой огород?»

«Да нет, не у нас. У одного старика. Он живет на мельнице в лесу».

«А, старый Феллингер! Его мы знаем. Он всегда приходит в церковь, хотя это для него ужасно далеко».

«Я тоже его знаю, — добавил Джимо. — Он очень милый дедуля. Все его любят. Вот только то, что он живет один так далеко от города, кажется всегда немного странным».

«Я познакомился с ним только вчера, — пояснил Увэ. — Сначала моя сестра завела с ним знакомство, а потом я хотел подзаработать, но из этого ничего не вышло... Ну ладно, это долгая история. Как бы то ни было, завтра после обеда я иду туда,

чтобы помочь ему в саду. Один он просто не справляется».

«Слушай, Джимо, — сказал Стефан. — А почему бы нам тоже ему не помочь? Сейчас, пока у нас каникулы! Он ведь хороший старик! Работать ведь не обязательно до вечера, а так, часик-два. На природе, на свежем воздухе. И, может быть, он разрешит нам испытывать модели кораблей на мельничном пруду!»

«Ну что ж, я не против, — задумчиво произнес Джимо. — Вот только ни в огородничестве, ни в животноводстве я ничего не смыслю».

«Это не страшно. Я тебе все объясню», — поспешил рассеять его сомнения Увэ.

«Раз так, то я согласен».

«Ну что ж, тогда решено, — подвел итог Стефан. — Встречаемся у продуктового магазина. Во сколько?»

«Может, в половине третьего?»

«Прекрасно. И если у кого есть, пусть принесет с собой тяпку или мотыгу. Вот увидите, мы приведем сад дедушки Феллингера в образцовый порядок».

Керстин шагала по лесу, то и дело перекладывая тяжелую сумку из руки в руку.

Вдруг лесную тишину вспорол рев приближающегося мотоцикла. «Интересно, — подумала она. — Уж не к мельнице ли направляется этот мотоциклист?»

Грохот мотоцикла приближался. Керстин отошла на обочину и оглянулась. Странно, но мотоцикл ехал не по середине, а по ее стороне дороги!

Неужели же мотоциклист ее не видит? Он же едет прямо на нее!

Керстин едва успела отскочить в сторону. Он что, с ума сошел? Или ослеп?

Но что это? Мотоцикл развернулся... Никаких сомнений больше быть не могло! Он ехал прямо на нее!

Сердце Керстин бешено колотилось. Он что это, нарочно? Хотел ее задавить?

Она снова отпрыгнула в сторону, но в этот раз мотоциклист, вытянув руку, попытался выхватить у нее сумку, однако промахнулся.

Мотоцикл уже промчался, а Керстин стояла как вкопанная, провожая его взглядом, пока он снова не остановился.

Чисто автоматически она отметила, что тропинка была слишком узкой, и на ходу развернуться мотоцикл не мог. Мотоциклисту приходилось останавливаться и маневрировать взад-вперед.

Девочка так и не сдвинулась с места, замороженно наблюдая за происходящим. Ее разум просто отказывался верить в то, что кто-то хотел на нее наехать и отобрать сумку. Таких злых людей и на свете-то не бывает! Нет-нет, этого просто не может быть!

Но вот мотоцикл снова рванулся вперед, и в этот раз он несся с еще большей скоростью. Скорее инстинктивно, чем сознательно, Керстин бросилась в росшие на обочине папоротники. От ужаса и недоумения в голове ее был сумбур. Она лежала в высоких папоротниках, крепко вцепившись в свою сумку. Она пришла в себя лишь тогда, когда услышала, что мотоциклист убавил газ, очевидно, намереваясь снова развернуться и вернуться к тому месту, где лежала Керстин. Она вскочила и побежала в лес, не разбирая дороги.

Сделав несколько шагов, она вдруг подумала,

что это могло быть ее спасением. Здесь, в лесу, мотоциклист уже не сможет ее преследовать.

Да, но он мог слезть с мотоцикла! А бегал он наверняка быстрее, чем она!

Керстин остановилась и оглянулась.

И действительно, мотоциклист, оставив свой мотоцикл на обочине, уже стоял рядом с ней.

«Ха, ха, ха», — услышала она его угрожающий смех. Керстин развернулась и, подстегиваемая ужасом, побежала в глубину леса. До нее долетали слова, которые он кричал ей вслед: «магазин», «старикан», «снова встретимся». Некоторых слов она не разобрала, да не очень-то и прислушивалась.

Споткнувшись о выступавший из земли корень, она упала, но тут же снова вскочила. Вперед, только вперед!

«Стоп, этого делать нельзя, — внезапно пронеслось у нее в голове. — Нельзя убегать так далеко в лес. Он так или иначе меня догонит. Нужно бежать к городу, там люди, они мне помогут!»

Из последних сил Керстин повернула к тропе, ведущей от шоссе к мельнице. На бегу она кричала изо всех сил: «Помогите! Помогите — и — и — и — те!»

Керстин бежала все медленнее, ее сердце колотилось как бешеное, в груди нестерпимо болело, ноги подкашивались от усталости.

Внезапно из лесного сумрака вынырнули три фигуры. Кто-то бежал ей навстречу. «Помогите!» — хотела крикнуть Керстин, но с губ ее сорвался лишь хрип.

«Керстин!»

Увэ! Девочка узнала брата лишь по голосу, перед глазами у нее уже начинало рябить.

Она опустилась на землю в изнеможении, по щекам ее покатались слезы.

Подбежавший Увэ склонился над сестрой. Она судорожно вцепилась в его руку, прижалась к ней щекой. «Помоги мне — он, он...» Она словно выталкивала из себя слова, задыхаясь.

«Кто „он“, Керстин? Я никого не вижу!»

«Он... там... с мотоциклом».

Стефан сообразил первым. «Я побегу к тропинке. Может, увижу его!»

И он исчез за деревьями.

Лишь через несколько минут Керстин, немного успокоившись, стала дышать ровнее. Но ее все еще била крупная дрожь, и она так крепко сжимала руку брата, как будто от этого зависела ее жизнь.

«Успокойся, Керстин! Его ведь уже нет! Его ведь не видно! Ну, оглянись и убедись в этом сама!»

Девочка осмотрелась. Действительно, здесь не было никого, кроме Увэ и еще одного мальчика.

«А это кто?»

«Это мой друг. Мы называем его Джимо. А другого зовут Стефан. Мы как раз шли к дедушке Феллингеру полоть огород. Ну и услышали, как ты звала на помощь. Мы побежали на твой голос и вскоре увидели тебя».

«А мотоциклиста вы не видели?»

«Нет, никого здесь не было. А что за мотоциклист? Как он выглядит?»

«Ну, у него был мотоцикл, тяжелый такой. На голове у него был красный шлем, а брюки и куртка — из черной кожи. Больше я ничего не увидела. Он хотел на меня наехать. Три раза пытался он это сделать. Но я всегда отскакивала в сторону».

Вернулся Стефан. «Никого не видно!» — закричал он еще издали.

«Не важно. Я знаю, кто это был», — пробормотал Увэ тихо.

«Что? — мальчики так и подскочили. — Ты знаешь, кто это был? Кто же? Ну говори же!»

«Я не знаю, как его зовут, — произнес, запинаясь, Увэ. — Но я знаю, кто это был. Впрочем, это длинная история».

Он замолчал. Друзья подумали, что сейчас он расскажет им эту историю, но Увэ не проронил больше ни слова.

Воцарилось молчание. Наконец Увэ обернулся к сестре: «Как ты там? Можешь идти?» Она кивнула и поднялась. «Я хочу домой. Ты пойдешь со мною? Пожалуйста, пойдем вместе!»

«Ну конечно, я отведу тебя домой. Пойдем!»

«Моя сумка! — вдруг вспомнила Керстин. — Где моя сумка? Я ее где-то потеряла!»

Джимо сказал: «Ступайте-ка вы оба домой. А мы поищем сумку. Мы ее обязательно найдем».

«Когда я убежала от дороги, она, кажется, была еще у меня».

«Ну тогда вряд ли мотоциклист забрал ее с собой».

«Это такая коричневая сумка, а в ней пакеты молока и всякая мелочь. Если вы ее найдете, отнесите, пожалуйста, дедушке Феллингеру».

«Хорошо. Ну а теперь ступайте!»

Вскоре возбуждение Керстин совсем улеглось. Брат шагал рядом, и это действовало на Керстин очень успокаивающе, хотя раньше она бы никогда в это не поверила.

За всю дорогу Увэ не проронил ни слова. Когда они пришли домой и Керстин всю эту историю рассказала маме, он добавил к ее рассказу лишь то, без чего уж никак нельзя было обойтись.

Маму этот рассказ, конечно же, очень беспокоил. Когда она сказала, что запрещает Керстин одной

ходить через лес, девочка заплакала: «Как же я тогда попаду к дедушке Феллингеру? У него там так красиво! И кошек своих я ведь должна навещать!»

Тут в их разговор вмешался Увэ: «Я ведь могу каждый раз сопровождать тебя. И потом — когда этого мотоциклиста поймают, тогда и одной тебе по лесу ходить будет уже не опасно».

«Ты прав, — согласилась мама. — Об этом надо заявить в полицию. Но как его поймать? Мотоциклистов ведь тысячи».

«Увэ знает его, — вдруг вспомнила разговор в лесу Керстин. — Правда ведь, ты тогда сказал, что знаешь его?»

Увэ не ответил. Видя, что обе не сводили с него глаз в ожидании объяснений, Увэ полез в карман за носовым платком и нарочито медленно высморкался.

«Вообще-то „знать“ было бы преувеличенно сказать, — пробормотал наконец он, видя, что отвечать все-таки придется. — Я просто один раз имел с ним дело».

«А как его зовут, ты не знаешь? — не отступала мама. — Или где он живет, или еще что-нибудь, за что бы могла зацепиться полиция?»

«Его номер».

«Какой еще номер?»

«Ну, номерной знак его мотоцикла».

«Запиши его быстренько, пока не забыл. Я звоню в полицию».

«Он наверняка поддельный, этот номер».

«Почему? С чего ты это решил? — продолжала расспрашивать мама. — Послушай, я что, все должна вытаскивать из тебя клещами?»

Увэ пристально изучал подлокотник кресла. «Это долгая история...»

«Ну давай, рассказывай!»

«Да я как-то не решаюсь...»

«Не решаешься? Это как прикажете понимать?»

Строгость, с которой мама смотрела на своего сына, сменилась озабоченностью, когда она увидела, каким бременем лежала на его сердце эта тайна.

«Я ... ну, — начал он наконец. — Я, в общем, сделал одну ужасную глупость. Я... я не могу тебе об этом рассказать!»

Мама обняла мальчика за плечи. «Скажи мне это, Увэ. Обещаю, что не буду на тебя сердиться».

Увэ, уставившись в пол, покачал головой. Керстин сказала: «Но, Увэ, если ты знаешь, кто это был! Скажи это, чтобы полиция его поймала и я снова могла ходить в лес!»

Увэ взглянул на сестру. У него, вероятно, появилась какая-то идея, потому что он встал и пошел к телефону. Он долго листал телефонный справочник, пока мама не спросила: «Что ты там ищешь? Может, я смогу тебе помочь?»

«Я ищу номер телефона пастора».

«Пастора?» Мама очень удивилась, но ничего не сказала. Она только взяла справочник, нашла раздел «Церкви и церковные организации» и указала Увэ на нужный ему номер. Увэ начал нажимать на кнопки.

«Алло, это Увэ. Увэ Нагель... Это, знаете... Ну, вы помните, что я вам тогда рассказал?.. Да, я хотел это рассказать и маме, но я не могу... Мне стыдно, потому что... Пожалуйста, расскажите вы ей все!»

Не дожидаясь ответа, Увэ сунул маме телефонную трубку и выскочил из квартиры.

«Куда ты, Увэ? Не убегай!» — закричала ему

вслед Керстин. Но мама сказала в трубку: «Извините меня на минутку!» и обратилась к дочери: «Оставь его в покое, Керстин! У него наверняка есть на это причины. А теперь ступай, посиди в гостиной. Дай мне поговорить с пастором».

Потом она снова взяла трубку. «Да, я вас слушаю... Вы уж извините, я была немного ошарашена... Мой сын сказал, вы должны мне что-то сказать... Да, время у меня есть. Я буду очень рада видеть вас...»

«Смотри, кто идет!» — обернулся Стефан к своему другу.

Джимо медленно выпрямился и перевел взгляд с грядки на тропинку. По ней медленно шел Увэ. «Ну ты и лентяй! — улыбаясь, воскликнул Джимо, когда Увэ подошел поближе. — Посмотри, сколько мы уже тут сделали!»

«Здорово!» — откликнулся Увэ, но это прозвучало как-то неискренне. Другьям показалось, что глаза его, хоть и устремленные на грядку, на самом деле ее не видели.

«Что это с ним?» — спросил Стефан, когда Увэ был уже далеко от них, направляясь к дому.

«Понятия не имею. Смотри-ка, сюда едет машина».

«Да это же наш пастор. А он-то что здесь делает?»

Друзья направились к калитке в изгороди, тянувшейся вокруг сада, и через нее вышли на дорожку, ведущую к дому. Подходя, они увидели, как из автомобиля вышли сначала пастор, а потом какая-то женщина, вероятно, мама Увэ и Керстин.

Увэ беседовал на крыльце с дедушкой Феллингером. К ним-то и направились Стефан и Джимо.

«Ты уже... ну... знаешь уже?» — заикаясь, спросил Увэ у матери.

«Нет, сынок, господин пастор мне еще ничего не рассказал. Мы хотели сначала посмотреть, как ты тут».

«Вот и хорошо. Господин пастор, тогда вы можете рассказать это здесь всем сразу. Я пришел сюда, чтобы попросить прощения у дедушки Феллингера».

Взрослые поздоровались, пастор представил друг другу госпожу Нагель и дедушку Феллингера. Тот сказал: «Давайте присядем» и широким жестом указал на стоявшую под деревом скамейку. На нее сели взрослые, Керстин устроилась на коленях у матери, а Стефан и Джимо, подозванные Увэ, опустились на траву.

«Расскажите все, что Вы обо мне знаете!» — попросил Увэ пастора и отошел немного в сторону. Ему не хотелось сидеть в общем кругу, когда на свет белый будут извлекаться его гнусные поступки.

«Это, в общем-то, недолгая история. Увэ рассказал мне о том, что один парень нанял его разбить в доме господина Феллингера два окна. На самом деле это все намного сложнее, чем кажется с первого взгляда. Этот парень, можно сказать, завлек Увэ в ловушку. Он сначала пообещал ему деньги, не объяснив, за что Увэ их получит. Потом же, когда они были вдвоем в лесу, у Увэ не хватило духу пойти на попятную. Это, конечно, представляет все происшедшее немного в другом свете, но тем не менее никаким образом его не оправдывает. Увэ это понял. А так как мы на днях беседовали с ним о вине и прощении, он и пришел с этим ко мне. Мы вместе рассказали об этом Богу и попросили у Него прощения».

Все сидели молча, на лицах слушателей был написан испуг вперемешку со смущением и растерянностью.

Не дождавшись ни от кого никакого отклика, пастор заговорил снова: «Я уверен, что перед Богом Увэ чист. Но я ему сказал, что он должен поговорить начистоту и с господином Феллингером...»

«Я хотел попросить у вас прощения, дедушка Феллингер! — перебил пастора Увэ. Красный от смущения, он подошел к ним немного ближе: — Я больше никогда этого делать не буду, и я вставлю новые стекла. Я знаю, как это делают. Я один раз уже помогал отцу. А стекло я куплю на свои карманные деньги».

«О чем разговор! — махнул рукой старик. — Стекла — это не проблема. Если ты их доставишь сюда, я за них с удовольствием заплачу. Да и вставить мы их можем вместе. Об этом не стоит волноваться».

Увэ просиял и пожал руку, протянутую ему дедушкой Феллингером. Но выражение лица дедушки тут же стало серьезным.

«Главная проблема заключается в том, что есть люди, которые изо всех сил стараются отравить мне жизнь. Этот случай, к сожалению, был далеко не единственным. Они уже очень многое перепробовали. Самым ужасным из всего было то, что они убили мою собаку».

Мама спросила: «И ты считаешь, Увэ, что мотоциклист, напавший на Керстин, — это тот же самый, который приказал тебе бить стекла?»

«Я в этом совершенно уверен. Описание подходит один к одному».

«Это нападение было совершено явно с той же целью, — вставил пастор. — Они хотели лишить

господина Феллингера покоя и даже нанести ему ущерб. Но почему? Неужели же просто так?»

Старик отрицательно покачал головой. «Нет, не просто так. У них есть своя цель. Думаю, я даже знаю, какая».

Глаза у всех расширились от любопытства.

Дедушка Феллингер продолжал: «У меня уже один за другим побывали четыре человека, предлагая купить мой дом. Некоторые приезжали даже по нескольку раз и были очень настойчивы. Но все они уехали ни с чем. Я не собираюсь продавать этот дом».

«И вы думаете, — спросила мама Увэ, — что кто-то всем этим вредительством пытается заставить вас переменить свое решение?»

«Точно я не знаю, но это могло бы многое объяснить. Они надеются, что из-за стольких неприятностей и переживаний я совсем сдам и все-таки перееду в дом престарелых, а дом продам».

«Не делай этого, дедушка Феллингер! Никогда!» — воскликнула Керстин.

«Пока что я этого делать не собираюсь, малышка. Но если так пойдет и дальше...»

Тут в разговор вмешался Стефан: «Но ведь здесь нужно что-то предпринять! Нельзя же на все это смотреть сложа руки!»

«Я сегодня же заявлю в полицию об этом мотоциклисте, напавшем на мою дочь, — решительно сказала госпожа Нагель. — Мы отправляемся туда немедленно. И если это тот же самый...»

«Это вы обязательно должны сделать, — сказал пастор. — Вот только будет ли от этого толк?»

«В любом случае стоит попробовать, — вступил в разговор Увэ. — Меня только удивляет, что этот молодой парень хочет купить дом. Что-то мне в это не...»

«Не он, а люди, которые скрываются пока в тени, — перебил его пастор. — Ему, по всей вероятности, платят за то, что он портит жизнь господину Феллингеру».

«Я считаю, — раздался в наступившем молчании тихий голос Джимо, — что нам надо подумать, как можно помочь дедушке Феллингеру. Мы должны охранять дом».

«Ну конечно!» — повскакивали со своих мест дети.

«Чепуха! — попыталась умерить их восторг мама. — Вы что, собрались день и ночь нести здесь дозор? А спать вы когда будете?»

«Мы можем сторожить по очереди!»

«Но только пока не закончатся каникулы. А если кто-нибудь из вас действительно поймает его ночью, что он будет тогда с ним делать? Скрутит по рукам и ногам и привяжет к столбу? Не городите чушь, дети!»

«Ах, мама!» — надул губы Увэ. На лицах других тоже было написано разочарование.

«Если вы так уж хотите, можете попробовать, — смягчилась мама. — Но мне кажется, ничего путного из этого не выйдет. В любом случае, я иду сейчас в полицию. Вы не могли бы меня подвезти, господин пастор?»

«Охотно. Господин Феллингер, может быть, вам нужно что-нибудь купить?»

«Нет, спасибо», — откликнулся тот. «Пока что у меня есть все, что мне нужно».

Мама направилась к автомобилю, а Керстин повернулась к мальчикам: «Да, кстати, чуть не забыла: а сумку мою вы нашли?»

«Да, — ответил Стефан. — Она лежала в папоротниках. Недалеко торчал корень, о который ты, наверное, и споткнулась».

«Да, что-то такое...»

«Керстин, — позвала ее мама, — ты поедешь вместе со мной! В полиции тебе наверняка придется все рассказать самой!»

«Ах да! Ну ладно! Тогда пока!»

Когда машина уехала, мальчики начали обсуждать план своих действий. Дедушка Феллингер, ради которого это все в общем-то и затевалось, сидел рядом молча и лишь внимательно слушал. Иногда, видя рвение своих охранников, он был не в силах сдержать улыбки. Впрочем, особых надежд он на них не возлагал. И был прав. Потому что идея об охране мельницы и ночью всплывала в их разговоре чем дальше, тем реже.

Лишь когда старик встал и пошел в сад, чтобы очистить от земли и собрать тляки, мальчишки вспомнили, что бросили работу на полпути, и побежали ему помогать.

«Итак, — сказал полицейский, вытягивая лист из пишущей машинки. — Прочтите, пожалуйста, это еще раз с начала до конца и подпишите».

Он положил лист на стойку и, неловко изогнувшись, сам еще раз пробежал его глазами, чтобы удостовериться, что нигде не вкралась опечатка или ошибка.

«Постойте, — сказал он, дочитав до соответствующего места. — Откуда вы знаете номер его мотоцикла? Малышка, неужели ты во всем этом кошмаре догадалась посмотреть на номерной знак?»

«Нет, я нет».

«О номере, — пояснила ее мама, — я знаю от Увэ, моего сына».

«А, так он все видел?»

«Нет-нет, он этого не видел. Он только этого

молодого человека с тяжелым мотоциклом... ну, то есть он тут вечно ездит... ну да, вот и...»

«Но, госпожа... — полицейский уткнулся в лист, пытаясь отыскать ее имя, потому что на имена у него была очень плохая память, — да, госпожа Нагель, не хотите ли вы сказать, что вы не в состоянии заявить со всей определенностью, что на мотоцикле был именно этот номерной знак?»

«Ну, абсолютно уверенной в этом я быть не могу, но... э... это наверняка так, потому что... ну... да ни у кого больше нет такого мотоцикла».

«Нет-нет, госпожа... э...»

«Нагель».

«Да, конечно, госпожа Нагель, так дело не пойдет. Дайте лист, пожалуйста, сюда, протокол нам придется составить заново».

Он снова уселся за свою пишущую машинку.

В этот момент в комнату вошел другой полицейский: «Я проверил, Эгон, номер этот поддельный».

«Что значит поддельный? Снят с какой-то машины?»

«Нет, самодельный. Такой номер у нас не числится».

«Гм, очевидно, все намного серьезнее, чем мы сначала предполагали. Да уж. Знаете что, госпожа Нагель...»

«Нагель», — поправила его та.

«Госпожа Нагель, извините. Знаете что, я бы хотел побеседовать с господином...»

«Феллингером», — подсказал его коллега.

«Да, с ним. Макс, разыщи, пожалуйста, его номер телефона, я бы хотел с ним побеседовать».

«Я могу сказать вам его номер, — вмешалась в разговор Керстин, — 72061».

«Ага. Повтори-ка еще раз: семь...» Он снял трубку телефона.

«Два, ноль, шесть, один».

«...шесть, один... странно! Даже гудка нет. Тут что-то не в порядке, — он положил трубку. — Макс, займись-ка этим. Свяжись с почтовым отделением. Позже мы, может быть, и сами туда съездим. Сейчас же я должен составить протокол заново».

Тяжело вздохнув, он вставил в пишущую машинку новый лист бумаги.

Увэ, Стефан и Джимо шагали в город. Они были бы не прочь еще немного побыть на мельнице, но чувство голода вынудило их поспешить домой.

«Боюсь только, — говорил Джимо, — что они быстро разгадают, по какой системе мы несем дежурство. Тогда они будут приходить, когда никого из нас на мельнице не будет».

«А я боюсь, — задумчиво произнес Увэ, — что от всей этой операции будет очень мало толку. Даже если мы действительно кого-нибудь поймаем, то, вполне вероятно, лишь того, кого они наняли, как меня когда-то. А такие люди сами не знают, кто за всем этим скрывается».

«Вполне может быть, — задумался и Джимо, — но другой возможности я просто не вижу. Можно, по крайней мере, попробовать. А ты как считаешь, Стефан? Что ты все молчишь?»

«Я думаю».

«Здорово! В жизни бы не поверил, что ты это умеешь! Но ведь толку от твоих размышлений пока что нет?»

«Это как посмотреть. Я еще не все обдумал до конца».

«Ну тогда продолжай, думай».

Увэ было не до шуток: «Скажи хотя бы, о чем ты думаешь!»

«Я вот думаю, нельзя ли ко всему этому подступиться с другой стороны? Вопрос ведь можно поставить и так: кто же это хочет выжить дедушку Феллингера с мельницы? Это наверняка те четверо, которые хотят ее купить. Вот если бы мы могли их как-нибудь прощупать...»

«Да, но как это сделать? Я не вижу никакой реальной возможности для этого».

Джимо добавил: «Мы не знаем, где они живут. И даже если мы это узнаем, это будет наверняка очень далеко отсюда. Как же мы туда доберемся?»

Стефан лишь хмыкнул в ответ.

«Пусть этим занимается полиция», — решил Увэ.

Молча шагали они по лесной тропинке.

Вдруг Увэ остановился. «Вот это место! Может, мы найдем следы колес „Хонды“ с отпечатками протекторов».

Несколько минут они бродили, уставившись в землю.

«Было слишком сухо. Никаких следов».

Стефан повернул в лес. «Я пойду по следу, который оставила сегодня днем Керстин!» — крикнул он. Но вскоре, видя, что и эти его поиски остаются без результата, Стефан решил повернуть назад. Распрямив уставшую спину, мальчик еще раз внимательно осмотрелся. И тут его взгляд привлек предмет, стоявший далеко впереди в кустах. Что это было конкретно, рассмотреть он отсюда не мог.

До тех кустов было метров сто, и вскоре Стефан осторожно раздвигал их ветви. Голубой велосипед! Еще довольно новый. С замком на колесе.

«Кто бы это мог оставить свой велосипед в лесу? — размышлял Стефан. — Уж не имеет ли его владелец какого-либо отношения к нападениям на мельницу?»

Он отчаянно замахал друзьям, подзывая их к себе.

«Что там такое?» — закричал было Увэ, но тут же умолк, увидев, что Стефан приложил палец к губам. Со всех ног помчались они к кустам, где ожидал их Стефан.

«Велосипед!» — удивленно воскликнул Джимо.

«Да, это ты очень точно подметил, — улыбнулся Стефан. — А теперь скажите, что еще в этом есть примечательного?»

«Что он стоит в лесу», — сказал Увэ.

«А почему?» — Стефан был похож на учителя, вытягивающего ответ из учеников-тугодумов.

«Я думаю, я знаю, что ты имеешь в виду, — задумчиво протянул Джимо. — Может быть, это велосипед одного из тех, кого мы ищем».

«Ну конечно же! Ну кто еще приедет на велосипеде в лес и там его бросит! Только человек, у которого здесь есть дела! Если кто хочет просто погулять в лесу, тот сразу идет пешком. Но у кого могут быть в лесу какие-то дела? Черника в нашей округе не растет, а для грибов еще рано».

«Ого, Стефан, да ты у нас просто Шерлок Холмс!»

«И знаете, что мы сейчас сделаем? — в Джимо проснулся охотничий азарт. — Мы где-нибудь спрячемся и подождем, когда он придет за своим велосипедом».

«Да, это лучше, чем идти его искать, — поддержал его Увэ. — Ведь тогда он нас может увидеть или услышать и незаметно улизнуть».

«Я тоже об этом подумал, — сказал Стефан. — Но у меня есть один аргумент против этого плана, и довольно веский».

«Какой же?»

«Мой пустой желудок. Что, если нам придется ждать его два-три часа? К тому времени я умру от голода».

«Кто-то один может сбегать в город за съестным, а двое других останутся тут», — предложил Джимо.

«Я могу сбегать, — вызвался Увэ. — Мой дом ближе всех. Я вернусь через полчаса и принесу вам что-нибудь пожевать».

И Увэ убежал.

С трудом переводя дыхание, он вбежал по лестнице и позвонил в дверь их квартиры. Никто не отозвался. К счастью, у Увэ был с собой ключ. Ворвавшись в квартиру, он помчался на кухню, отрезал половину буханки свежее испеченного хлеба и засунул в сумку, с которой мама обычно ходила в магазин. Туда же он положил еще кусок колбасы из холодильника и бутылку лимонада.

Уже у двери у него появилась одна мысль. Он вернулся на кухню, взял лежавшую на столе записку, перевернул ее и быстро нацарапал пару слов на обратной стороне. Потом, схватив сумку и перепрыгивая через две ступеньки, он побежал вниз по лестнице.

Примерно через пять минут в замке снова загремел ключ и в квартиру вошел его отец. Он устало опустил сумку на пол и позвал: «Есть тут кто-нибудь из членов моей большой семьи?» Ответом ему была лишь тишина, и поэтому он добавил: «Вероятно, лишь ее глава».

Он прошел на кухню и увидел лежащую на сто-

ле записку. Он взял ее и прочитал: «Дорогой Ганс, на случай, если я еще не вернусь, — твой обед на плите. Мы с Керстин в полицейском участке».

Папа Нагель перевернул листок: «Приду поздно, иду по следу преступника. Взял хлеб. Увэ».

Папа лишь головой покачал: «Ну и дела!»

Маленький толстенький Торстен опустил бинокль и потер глаза. Потом он попытался немного приподняться и помассировал свое мягкое место. Ведь он сидел на дереве, а узловатый сук, как известно, далеко не так удобен, как кресло.

«Вряд ли там еще что-то произойдет», — проворкотал он и начал спускаться. Очутившись на земле, он первым делом хорошенько потянулся. Просидеть пару часов на дереве — не удивительно, что все тело занемело.

Торстен устало побрел прочь от дерева, по щиколотку погружаясь в устилавшие землю толстым ковром прошлогодние листья. Он шел так довольно долго, пока наконец не оказался в ельнике. На просеке, отделявшей его от букового леса, росли кусты, в которых он и спрятал свой велосипед.

А вот и кусты!

И действительно, велосипед был там.

Как раз в тот момент, когда Торстен вставил в замок ключ и тот тихо щелкнул, недалеко послышался какой-то шорох. Разогнувшись, Торстен увидел мальчишек, бежавших к нему.

У Торстена было много недостатков, и друзья нередко над ними потешались. Но вот зато быстроты реакции ему было не занимать. Мгновенно оценив ситуацию, Торстен одним рывком вытащил велосипед из куста, вскочил на него и нажал на педали.

Ехать по лесу было не так-то просто, и всякий раз, когда на пути попадался выступавший из земли корень, седло велосипеда немилосердно напоминало ему, что несколько часов он просидел на жестком суку. Но с этим, хочешь не хочешь, надо было мириться. Ведь нужно было оторваться от преследователей.

И это Торстену вполне удалось. Крики гнавшихся за ним становились все глуше и глуше. Торстен оглянулся. Длинный блондин уже остановился, лишь брюнет-коротышка в отчаянии еще продолжал погоню.

Не успел Торстен порадоваться своему спасению, как прямо перед ним возник еще один мальчишка. Их разделяло не более десяти метров, когда он внезапно преградил Торстену дорогу.

Торстен, пытаясь его объехать, резко повернул руль вправо, но подобный маневр был ему не под силу, тем более в лесу. Торстен полетел на землю.

«Ой, — прокомментировал он это событие, а потом добавил: — Ну надо же!»

Мальчишка уже был возле него. Увэ Нагель, этот новенький. А вскоре подоспели и двое других.

«Эй, да вы лучшие сторожа в мире!» — улыбнулся Увэ. Двое других, запыхавшиеся и красные, смущенно переминались с ноги на ногу. Торстен знал их: Стефан и Джимо.

«Ну а теперь займемся тобой, дружок! — сказал Увэ, и в голосе его прозвучали металлические нотки. — И что тебе здесь, в лесу, нужно?»

«А что, ходить в лес запрещено?»

«Что тебе здесь нужно?»

Кольцо вокруг Торстена угрожающе сжималось.

«Ничего, честное слово!»

«И где же ты был все это время?»

«Кто, я? Я... я просто так немного прогулялся...»

«Не ври! Нас не проведешь!»

«Выкладывай все начистоту! — прикрикнул на него Стефан. — Зачем тебе этот дурацкий бинокль? За чем это ты наблюдал? Уж не за мельницей ли?»

«А если и за мельницей — это что, нельзя?»

«Признавайся, это ты старику Феллингеру всякие гадости делал? Хотя мы и не знаем, к чему ты приложил руки лично, но зато наверняка знаем, что без тебя там не обошлось!»

«Значит, вы все это знаете? Почему же тогда задаете такие дурацкие вопросы?»

Увэ пнул его по ноге: «Не наглей!»

Торстен медленно поднялся: «Я не имею к этому никакого отношения! Честно, никакого!»

Джимо пришел в ярость: «Признавайся, а то...»

«А то что?»

«Мы отлупим тебя!»

«Тогда мой отец заявит на вас в полицию!»

Трое друзей беспомощно переглянулись. Что же им делать? Хорошенько его отдубасить — ну, это без проблем. Но если этот малый просто все вытерпит и ни в чем не признается, то бить его до крови или сломать ему что-нибудь... Нет, это не для них!

«Мы тебя где-нибудь запрем», — пригрозил Увэ.

«Если я не приду домой, тогда мой отец заявит об этом в полицию и они будут меня искать», — торжествовал Торстен.

Стефан со злости так ткнул его в бок, что он даже вскрикнул.

«Если ты не выложишь нам все, то мы... то мы... — он оглянулся беспомощно, и тут взгляд его

упал на велосипед. — Тогда мы заберем твой велосипед».

«Только попробуйте! Я ведь знаю, у кого он!»

«Или колеса ему спустим», — добавил Джимо. Но он сказал это уже без особого напора, потому что и сам заметил, что эта угроза была какой-то несерьезной.

В растерянности стояли четверо друг против друга, не зная, что еще сказать.

«Придумал! — воскликнул вдруг Увэ. — Мы заберем у него велосипед и, — он говорил медленно, подчеркивая каждое слово, — и куртку! И брюки! И рубашку! И...»

Два друга мгновенно уловили суть и присоединились к Увэ:

«И майку! И трусы! И...»

«Не имеете права! Это подло!»

«И ботинки! И носки!»

«И тогда он сам пусть решает, — продолжал невозмутимо Стефан, — хочет ли он сидеть в лесу, мерзнуть и ждать, пока стемнеет, или еще по свету пробираться домой в город».

«Это просто подло! — возмутился Торстен. — Это не по правилам!»

«Ну хорошо, — согласился Джимо. — Мы ведь не изверги. Правый носок можешь оставить себе».

Взрыв хохота. Торстен лишь простонал: «Ну, пожалуйста!»

«Тогда рассказывай нам все, что ты знаешь о нападениях на мельницу! — в голосе Увэ снова зазвучали строгие нотки. — Живо!»

«Да я ведь не знаю ничего...»

Увэ взялся за ремень его брюк, Стефан склонился над ботинками, а Джимо принялся растягивать пуговицы рубашки.

«Стойте, стойте! Я скажу!»

Три пары рук замерли.

«Этот парень на „Хонде“, — неохотно начал Торстен, — предложил нам деньги».

«Кому это „нам“? — спросил Джимо.

«Ну, нашей компании детективов. Мы должны были там всякое делать».

«И что же вы сделали?»

«Разбили три окна. И поломали забор. Но его снова починили».

«Дальше!»

«Один раз мы бросили в мельничный пруд тележку. Но за это нам заплатили всего три марки. А потом мы...»

«Давай — давай, выкладывай!»

«А потом затвор, там, где вода подается на мельничное колесо...»

«И что с этим затвором?»

«Мы его поломали и выпустили всю воду из пруда. Потом, наверное, столяр его починил».

«И собаку тоже вы отравили?»

«Собаку? Нет! Отравили? В жизни мы ничего такого делать не будем! Убить собаку! Честное слово, можете мне верить!»

«Ну ладно. Давай дальше!»

«Больше ничего. Ну то есть, до сегодняшнего дня. Но этим занялись другие. Меня с ними не было, потому что я целый день должен был вести наблюдение».

«Чем это они занялись? Выкладывай!»

«Они собирались — они хотели перерезать телефонный кабель».

Три друга переглянулись. «Телефонный кабель? — набросился на Торстена Увэ. — Да ты хоть понимаешь, насколько это подло? Если со стари-

ком что-нибудь случится, он даже на помощь не сможет позвать!»

Торстен был совершенно подавлен: «Мы тоже сначала не хотели. Но этот с „Хондой...“»

Стефан сказал: «Ну что ж, думаю, нам придется обстоятельно побеседовать с этой троицей. Они еще узнают, почем фунт лиха!»

«Правильно, — поддержал его Джимо. — Да, но что делать с этим вот?»

Увэ осенило: «Мы запрем его у дедушки Феллингера в подвале. Он его потом может выпустить, когда мы закончим с другими тремя».

«Точно. А заодно и посмотрим, как там дела у дедушки теперь, когда его телефон не работает».

Сказано — сделано. Все снова направились к мельнице, Увэ и Стефан пинками гнали перед собой Торстена, Джимо вел велосипед.

Вот и мельница! Взбежав на крыльцо, Увэ позвонил. Старик распахнул дверь: «Ах, это снова вы!»

«Дедушка Феллигер, мы хотели попросить тебя посторожить нашего пленного. Он один из тех, кто сломал тебе шлюз и все такое».

«А сегодня они перерезали телефонный кабель», — добавил Стефан.

«Что, кабель? Я еще ничего не заметил. Это же просто ужасно!»

«Но меня там не было!» — поспешил заверить его Торстен.

«Помолчи! — прикрикнул на него Увэ. — Дедушка Феллигер, можно, мы запрем его в подвале? Мы должны еще с другими рассчитаться. А если мы его отпустим, тогда у них будет численный перевес».

Джимо, видя, что старик сомневается, пояснил:

«Всего лишь на часик или два, дедушка Феллингер. Потом можешь его выпустить».

«Ну, как хотите», — пробурчал старик, и было видно, что все это ему очень не по душе.

Трое друзей затащили своего пленника в подвал и закрыли дверь на задвижку.

Прислонив велосипед к стене мельницы, они припустили в город.

По пути Увэ наконец-то вытащил из сумки их ужин и разделил поровну.

Спустя несколько минут в дверь подвала постучали.

«Кто там?» — откликнулся Торстен жалобным голосом.

«Это я, дедушка Феллингер. А как зовут тебя?»

«Торстен».

«Ну так вот, Торстен, слушай меня внимательно. У меня есть к тебе одно предложение: если ты пообещаешь, что в течение следующего часа никуда не сбежишь, тогда я тебя выпущу и ты сможешь посидеть в моей гостиной. А заодно и перекусить!»

«Обещаю! Я никуда не сбегу!»

Старик отодвинул засов и распахнул дверь. «Ну что ж, пойдем. И расскажи мне еще раз, что вы там всего такого натворили. И почему. Мне очень хочется это узнать. Ты, я думаю, это понимаешь. И еще я надеюсь, что подобное больше не повторится».

«Нет, конечно нет, господин Феллингер!»

Керстин, сидя на подоконнике, изучала улицу.

Она была одна дома, потому что маме нужно было еще в магазин, а так как до закрытия оставалось совсем ничего, то папа повез ее туда на маши-

не. Сейчас часы показывали уже полседьмого, но родителей все еще не было.

«Сегодняшний день был богат событиями, — размышляла Керстин. — Вот бы не подумала, что в таком маленьком городишке можно пережить столько приключений».

Тут она заметила Увэ и двух мальчишек, с которыми познакомилась сегодня в лесу, быстро шагавших по улице. Они не бежали, но шли очень быстро, жуя на ходу.

«Увэ!» — окликнула брата Керстин, когда трое друзей поравнялись с ее окном.

«Некогда!» — коротко помахав ей, откликнулся тот, не замедляя шаг.

«Увэ! Послушай...»

«С нами тебе нельзя! У нас есть одно дело, оно не для маленьких девочек!»

«Я не маленькая девочка! И я вовсе не собиралась идти с вами! Я только хочу знать!»

Увэ относился к своей сестре отнюдь не так враждебно, как это иногда могло показаться со стороны. К тому же у него перед глазами до сих пор стояла картина, когда Керстин сегодня утром искала у него защиты и поддержки. Это обострило в нем сознание того, что он, ее старший брат, был и ее защитником. Увэ вернулся к окну и, чуть понизив голос, сказал:

«Послушай, Керстин. Я не могу тебе этого сказать, потому что ты не удержишься и разболтаешь все папе и маме. А они мне тогда это запретят. Поняла?»

«Папы и мамы нет дома, они поехали в магазин. Поэтому разболтать им я ничего не смогу. Поэтому и запретить они тебе ничего не смогут».

«Ну ладно. Мы поймали одного из компании

детективов на месте преступления. Он признался, что они вытворяли много гадостей на мельнице. Теперь мы идем на детскую площадку, где они всегда собираются, и хотим привлечь их к ответственности».

«А что это значит, привлечь к ответственности?»

«Ну, это когда... Я объясню тебе это в следующий раз. Сейчас я тороплюсь».

И действительно, до них донесся нетерпеливый голос Стефана: «Увэ, пошли!» Мальчик развернулся и побежал к друзьям.

«Вы будете драться?» — крикнула Керстин им вдогонку, но ей никто не ответил.

Девочкой овладел ужас. А что, если все эти детективы такие же ужасные, как тот мотоциклист, который хотел ее сегодня задавить? И если там действительно завяжется жестокая драка? Перед ее глазами встала картина залитой кровью детской площадки, где повсюду лежат тяжелораненые и кричат и стонут от боли.

Нет, она обязательно должна этому помешать! Но как? И родителей, как нарочно, нет дома! Всякий раз, когда они ей нужны, их нет рядом!

Керстин металась по квартире. Вдруг на глаза ей попался телефон. «Может быть, кому-нибудь позвонить?» — пронеслось у нее в голове. Возле телефона все еще лежал телефонный справочник, раскрытый на странице «Церкви и церковные учреждения». Пастор! Точно, он очень милый человек, он обязательно поможет!

Она торопливо набрала его номер.

«Алло», — отозвались на другом конце провода.

«Это я, Керстин Нагель».

«Керстин, что там у тебя случилось?»

«Родителей нет дома, и я думала, что, может

быть, вы сможете помочь... ну, то есть чтобы не произошло большого несчастья».

«Какого несчастья?»

«Увэ и двое других, э... э... Стефан и э... э... этот...»

«Джимо».

«Да, вот они только что прошли мимо нашего дома. Они хотят драться с этими, ну, которые гадо-сти дедушке Феллингеру делали. Там на детской площадке».

«Они собрались драться? Они так сказали?» — спросил пастор.

«Нет, но они сказали, что хотят привлечь их к ответственности».

«Что значит „привлечь к ответственности“?»

«Я этого и сама не знаю. Увэ не захотел мне объяснить. Он сказал, что потом...»

«Я в общем-то знаю, что значит „привлечь к ответственности“. Я только не понимаю, что это значит конкретно в этом случае... да, впрочем, какая разница, — прервал он себя. — Я сейчас же туда еду!»

В трубке слышались гудки отбоя. Керстин медленно положила трубку на рычаг. Немного поразмыслив, она приняла решение. Тревога и любопытство просто-таки снесли ее, и поэтому — быстрее за тремя друзьями!

Девочка сбежала по лестнице и выскочила на улицу. До детской площадки было не близко, и Керстин изрядно запыхалась, когда наконец вдалеке завиднелись качели.

Открывшаяся ее взору картина была далеко не так ужасна, как рисовалось ей в воображении, но и хорошего в ней тоже ничего не было: шестеро мальчишек тузили друг друга. Увэ заломил Гаральду руку за спину. Тот извивался, стараясь лягнуть Увэ в

колени, что ему время от времени удавалось. Стефан и Йенс стояли друг против друга в боксерской позе, изо всех сил стараясь нанести противнику удар поточнее. Джимо и Детлеф, сцепившись, катались по площадке, над ними столбом стояла пыль.

«Прекратите! — закричала Керстин, подбегая. — Сейчас же прекратите! Зачем вы бьете друг друга!»

Увэ был так удивлен этим внезапным появлением младшей сестренки, что немного ослабил хватку. Гаральд, воспользовавшись этим его секундным замешательством, ловко вывернулся, но перейти в атаку не смог. Между ними уже стояла Керстин, а обидеть девочку он не мог. Мальчишки, тяжело дыша, стояли друг против друга, устало уронив руки.

Керстин же, не медля, бросилась к другим: «Прекратите! Прекратите драться!»

Стефан прохрипел: «Керстин, не лезь. Ты в этом ничего не понимаешь». Но он уже тоже разжал кулаки и сделал два шага назад, чтобы кулак Йенса не смог его достать в том случае, если тот не был согласен на перемирие.

Как раз в этот момент из-за поворота показалась машина и, взвизгнув тормозами, остановилась у поля битвы. Из нее выскочил мужчина и побежал к ним.

«А, это вы, господин пастор», — с некоторым замешательством узнал бегущего Стефан.

«Да, это, вне всякого сомнения, я. Должен же я был посмотреть, что за глупости вы тут затеяли».

«Я могу вам все объяснить», — сказал Увэ. К тому времени прекратили бороться и Джимо с Детлефом и, наскоро отряхнув песок, присоединились к остальным.

«О да, объяснению я был бы очень рад».

«В общем, все дело в том...», — начал Джимо, но он не успел отдышаться и был вынужден сделать паузу. Продолжить рассказ решил Стефан: «Эти трое — члены компании детективов. Четвертого мы поймали в лесу. Он во всем признался».

«В чем это — во всем?»

«В том, как они вредили дедушке Феллингеру», — пояснил Увэ.

«И из-за этого вы решили их отлупить?»

«Ну вообще-то мы хотели — ну, как бы это сказать...»

«Привлечь их к ответственности».

«Точно».

«Ну и почему же это вылилось в махание кулаками?»

Отвечать на этот вопрос не хотелось никому, и Джимо в поисках всеобъясняющего ответа неуверенно произнес: «Оно как-то само собой получилось».

«Само собой получилось?»

«Ну да, — пояснил Увэ, — слово за слово, вот и...»

«Стыдитесь! То, что вы хотите помочь дедушке Феллингеру, это вы молодцы. Но не надо разыгрывать из себя мстителей и лупить других ребят!»

«Ха! — усмехнулся Йенс. — Они — и нас отлупить! Сейчас умру со смеху!»

«Да если бы не вы, — подал голос и Детлеф, — мы бы их так отделали, что мама бы родная не узнала».

Не захотел отставать от друзей и Гаральд. Перекрывая издевательский смех двух других, он выкрикнул: «Да-да, господин пастор, вы и эта девочка спасли им жизнь!» Детективы просто сотрясались от безудержного хохота.

«Тихо!» — крикнул пастор.

И вот удивительно — это подействовало.

«Какого я о вашем поведении мнения, думаю, вам уже ясно, — обернулся он к Увэ и его друзьям. — И у нас еще будет возможность побеседовать на эту тему обстоятельней. С вами же, дорогие мои детективы, у меня есть особые счета».

Ответом ему было молчание, только Йенс буркнул что-то невразумительное.

«Вы называете себя детективами. Но разве вы никогда не слышали, что детективы преступления раскрывают, а не совершают? Хорошенькие же вы детективы! Я уже немало о вас наслышался. Вот, например, Увэ — я думаю, это не секрет — говорил о вас с определенным уважением. И что же я сейчас слышу? Что вы пытались нанести ущерб старому, беззащитному человеку, который вам ничего плохого не сделал... Вы меня очень разочаровали! Да не вредить вы ему должны, а помогать! Кто с этим справится успешнее, чем вы? Вы бы лучше все свое умение, все ваше детективное оборудование использовали на то, чтобы разузнать, кто же за этим всем скрывается, а потом сообщить об этом в полицию. А вы вместо этого взялись исполнять поручения этих негодяев! Ну что ж, это то, что я хотел вам сказать, а теперь все отправляйтесь по домам! Ваши родители уже наверняка начали беспокоиться».

С этими словами он развернулся и пошел к машине.

«Подождите, господин пастор», — Гаральд и сам еще не очень ясно представлял себе, чего он хотел от пастора.

«У вас еще что-то на душе?»

Никто не ответил. Тогда пастор заговорил сам, но голос его звучал теперь намного дружелюбней. «Вы хотите знать, что вам теперь делать, не правда

ли? Извинитесь перед дедушкой Феллингером и возместите нанесенный ему ущерб. И когда узнаете, кто эти негодяи, идите в полицию и расскажите там об этом».

«Гм».

«А еще вам, всем шестерым, надо бы помириться и работать вместе, а не против друг друга».

Йенс взглянул на Детлефа. На лицах детективов была написана растерянность. Глаза их, казалось, спрашивали: «Я-то согласен, а ты?» Гаральд нерешительно шагнул к друзьям и тихо сказал: «А он прав».

«Угу», – согласился Детлеф.

«Я тоже так считаю», – поддержал его и Йенс.

Пастор положил Йенсу руку на плечо: «Это самая разумная твоя мысль за последнее время. Ну а вы, Стефан и компания, прекращайте враждовать с детективами! Лучше протяните друг другу руки и объединенными усилиями попытайтесь помочь дедушке Феллингеру».

Увэ не мог скрыть своего удивления. Как можно протягивать руку человеку, с которым только что дрался?

Но тут он вспомнил, как ему хотелось, чтобы детективы приняли его в свою компанию. Теперь же ему представлялась возможность стать ее членом, и не только милостью других детективов, а как равноправный партнер!

Пожимая руку Йенсу, Увэ удовлетворенно улыбался. Йенс тоже был доволен, ведь теперь у детективов появилась благородная задача! Радовался он и тому, что теперь единогласно было решено прекратить наконец все эти подлые нападения, которые, признаться, были ему совсем не по душе.

Всеобщее примирение было в самом разгаре,

когда на детскую площадку вихрем ворвался голубой велосипед.

«Стойте! — закричал маленький Торстен, сидевший на нем. — Хватит вам ссориться! Послушайте, что я придумал! Мы можем все вместе работать детективами и охранять старика Феллингера!»

Ответом ему было недоуменное молчание.

И вдруг все вместе, разом, не сговариваясь, громко расхохотались.

«Чего вы смеетесь?» — неуверенно и даже немного обиженно спросил Торстен.

«Все, как всегда, — задыхаясь от смеха, проговорил Йенс. — Ты хоть немного и опоздал со своим предложением, но абсолютно прав».

Теперь Торстен совсем ничего не понимал и даже было обиделся, видя, что все пожимают друг другу руки, а он, как недотепа, стоит в стороне, но тут Керстин поспешила ему все объяснить. Едва девочка закончила рассказ, как они оба присоединились к общей компании и тоже начали пожимать всем руки.

«А как это тебе пришла в голову мысль, что мы все можем работать вместе?» — спросил Йенс Торстена.

«Это дедушка Феллингер мне подсказал. Вообще-то он мировой старик! Вот бы никогда не подумал».

Увэ вдруг заметил сестренку, крутившуюся среди мальчишек.

«А ты что здесь делаешь?»

«Я тоже хочу помогать».

«Вот еще глупости!»

«Почему это глупости? — рассердилась она. — Это что — из-за того, что я девочка? А о равноправии мужчин и женщин ты когда-нибудь слышал?»

«Ты еще мала для этого».

Гаральд, который по известной всем причине всегда вступался за маленьких девочек, примиряюще положил руку Увэ на плечо: «Да ладно, пусть помогает».

«Она может нам пригодиться, — поддержал его и Джимо. — И к тому же она, насколько я знаю, уже сыграла большую роль во всей этой истории».

«Я тоже так считаю», — подал голос Торстен. Керстин ему понравилась, и к тому же его прельщала перспектива наконец перестать быть в их компании самым маленьким.

«Ну ладно, если все согласны...» В ответ Увэ услышал гул одобрения. На том и порешили.

«А теперь давайте подумаем, как будем действовать дальше», — предложил Детлеф.

Пастор, до этого стоявший у машины и наблюдавший за ходом событий, снова подошел к ним: «Извините, что я опять вмешиваюсь. Но мне кажется, что сейчас вам лучше разойтись по домам, а обсуждение перенести на завтра».

«Разумное предложение», — поддержал его Стефан, бросив взгляд на часы.

«Как насчет завтра в восемь?» — предложил Детлеф.

Здесь в разговор вмешался пастор Вайс: «Прошу прощения, что я снова счел нужным высказать свои соображения, но, может быть, было бы лучше вам собраться попозже, скажем в десять или в одиннадцать? Мне почему-то кажется, что четыре детектива должны успеть сделать еще что-то очень важное, прежде чем смогут принять участие в заседании по разработке планов. Так, например, они могли бы потолковать кое о чем с господином Феллингером, а поднимать его с постели в шесть или семь часов утра, право же, не стоит».

Мальчики подавленно молчали. Тишину нарушил Торстен: «А еще нам надо на почту, а она открывается только в девять».

Йенс предложил: «А что если мы... это все разделим. Ну, например, Детлеф от лица всей нашей компании пойдет к Феллингеру, а Гаральд уладит дела на почте».

«Ну нет, так не пойдет!» — возмутился Гаральд.

«Нет, ребята, — поддержал его пастор. — Так действительно не пойдет. Вам надо всем вместе держать ответ за то, что вы вместе натворили. Так будет, во-первых, справедливо, а во-вторых, и легче».

Детлеф сказал: «Правильно. Значит, встречаемся здесь в восемь. Все же вместе давайте соберемся в одиннадцать».

«И лучше всего у мельницы», — предложил Торстен.

У Йенса было еще одно предложение: «Ну, если мы в этом деле все вместе, э... тогда почему бы нам всем — сколько нас всего? Восемь! Почему бы нам тогда всем вместе, ввосьмером не пойти...»

Пастор отрицательно покачал головой: «Это вы должны сделать вчетвером. Увэ уже сходил в Каноссу».

«Сходил куда?» — спросила Керстин.

Увэ соболезнующе взглянул на сестру: «Ты что, никогда не слыхала о Генрихе таком-то? В 1077. Генрих стоял там, заикался, краснел, бледнел и мучился».

Нельзя сказать, что после подобного объяснения Керстин все стало ясно. Но тут на помощь ей пришел Гаральд: «Так говорят, когда кому-то приходится просить прощения».

«Ах вот оно что».

«Итак, — продолжал пастор, — Увэ уже сходил в Каноссу. Кроме того, у Стефана и Джимо — и у Увэ, конечно, — есть еще кое-какие дела. И эти дела очень важны для успеха всего вашего предприятия».

С этими словами он направился к своей машине и распахнул дверцу.

«И что это за дела?» — спросил Детлеф. Да и на лицах троицы, о которой шла речь, было написано недоумение.

«Секретное оружие!» — ответил пастор и, помахав им на прощание, сел в машину.

Когда Стефан и Джимо на следующее утро позвонили в дверь квартиры Нагелей, Увэ и Керстин были уже готовы. Вчетвером они отправились на мельницу и вскоре уже подходили к долине, посредине которой лежал мельничный пруд.

Как только они вышли из леса, их взору открылась прелюбопытная картина. Торстен колот дрова, Детлеф, идя по обочине дороги, толкал перед собой газонокосилку без мотора, а Йенс по колено залез в мельничный пруд. Вооруженный длинным шестом, он вылавливал водоросли и бросал их на берег Гаральду, а тот складывал их на тачку.

За прудом дедушка Феллинггер выкашивал косяк крапивы.

Друзья, переглянувшись, не смогли сдержать довольной улыбки.

Через несколько минут они были уже у пруда.

«Доброе утро! — окликнул детективов Увэ. — Я вижу, работа уже в самом разгаре».

Йенс обернулся, чуть было при этом не потеряв равновесие: «Эй там, хватит бездельничать! До начала заседания еще остается немного времени. Так что давайте присоединяйтесь!»

Детлеф, тяжело дыша, опустился на землю: «Пусть меня кто-нибудь сменит. Меня уже ноги не держат. А я лучше пойду дергать сорняки».

«Ладно», — кивнул Стефан и взялся за ручку газонокосилки.

«Как там у тебя дела, Торстен? Тебя сменить?» окликнул Увэ Торстена.

«Я, конечно, мог бы еще поработать, но если ты так настаиваешь...»

«Пойдем покажем новичкам, как надо расправляться с сорняками, — обернулся к Керстин Джимо. — Все вместе мы быстро приведем в порядок грядку, которую мы не допилили вчера».

«Мы уже заканчиваем, работы здесь осталось где-то на полчаса, — окликнул их Йенс. — Остальное мы доделаем позже — может быть, завтра».

Тем не менее прошел чуть ли не час, прежде чем все собрались у крана, чтобы немного привести себя в порядок после трудовых свершений. У Йенса были ледяные ноги, у Стефана же пот струйками сбегал по голой спине, у Торстена ломило все тело, Керстин все руки исколола о чертополох. Но все равно все были довольны и радостно возбуждены.

К ним подошел улыбающийся дедушка Феллингер.

«Послушайте, то, что вы переделали сегодня за утро... Один бы я с этим возился пол-лета! Вы потрудились на славу!»

«Завтра мы снова придем! Вот посмотрите, господин Феллингер, скоро здесь все будет...»

«Можете обращаться ко мне на „ты“. Что же касается остального, то осторожнее, не хватите через край. Вы ведь к такой работе не привыкли».

«Да нет, раз уж обещали».

«А я пришлю своего старшего брата вставить

стекла, — пообещал Торстен. — Он сделает это бесплатно. За ним еще числится должок. Прошлой зимой я три раза оказывал ему большую услугу».

«И что же это была за услуга?» — недоверчиво спросил Гаральд.

«Когда родителей не было дома, он приглашал к нам свою девушку. И тогда я весь вечер должен был сидеть в своей неотопливаемой комнате. А они уютненько устраивались в теплой гостиной. Он обещал отплатить услугой за услугу. Вот и подходящая для этого возможность!»

Все рассмеялись.

«Ну, насколько я вас, детективов, знаю, — давясь от смеха, сказал Увэ, — все равно твоему брату не удалось бы от вас ничего скрыть».

«Я знаю все!» — гордо заявил Торстен.

«Ну, половину, предположим, рассказал тебе я», — заметил Йенс.

«Ты?» — удивился Увэ.

«Очень просто! Эта его девушка — моя старшая сестра».

«Сейчас вы все напились воды, — сказал дедушка Феллингер, — поэтому с фруктами будьте осторожней. Но кусок пирога, я думаю, вы можете себе позволить. Ну так как?»

«О, я с удовольствием», — кивнула Керстин, уже успевшая познакомиться с пирогами дедушки Феллингера. Ее поддержал Детлеф: «Ну, если у вас... если у тебя остался лишний кусочек...»

Вскоре они все уже сидели на свежевыкошенной лужайке в тени изгороди и уплетали пирог. Все были настолько поглощены разговором, что и думать забыли о своих болячках и недугах.

«Несомненно одно, — говорил Гаральд. — Сегодня вечером приедет „Хонда“». Его щеки пыла-

ли, но трудно было понять от чего: то ли от возбуждения и охотничьего азарта, то ли от упорной борьбы со своей тачкой.

«И это — тот шанс, какой нам, возможно, еще не скоро представится», — на лету подхватил эту мысль Йенс.

«Вы уж меня простите, — прервал его Увэ, — но откуда вы знаете, что мотоциклист появится сегодня вечером?»

«Это, знаешь ли, ну вот, потому что, — ну да, мы же все-таки перерезали телефонный кабель».

«А-а, все ясно! И сегодня он должен заплатить вам за работу».

«Мы так договорились. На детской площадке. Пятьдесят марок».

«Ничего себе!»

«Ты прав, — задумчиво произнес Стефан. — Это прекрасная возможность его поймать. Надо поставить в известность полицию».

«Полицию? — разочарованно протянул Торстен. — Если мы навалимся на него все вместе, то справимся и сами».

«Справиться-то мы, может, и справимся, да только нет у нас на это права! Пойдите, не горячитесь! Не наше это дело! Даже если мы его и поймает, то потом нам все равно придется передать его в руки полиции».

«Стефан прав, — поспешил ему на помощь Йенс, — это дело полиции. Но если мы заманим его в ловушку, то тоже внесем свой вклад в успешный ход операции».

Увэ взял с тарелки кусок пирога, откусил от него и, усиленно работая челюстями, сказал: «Если мы его поймает, ему придется рассказать, кто или что за всем этим стоит. Тогда, может быть,

весь этот хаос закончится и нам уже не нужно будет нести дежурство».

Внимательный читатель, несомненно, заметит, что в этом нашем повествовании идея с дежурством упоминается здесь в последний раз. После напряженной работы приходит усталость. Ну а усталому человеку, естественно, сон просто необходим.

«Ну что ж, тоже неплохо», – сказал Гаральд. Его поддержал Джимо: «Это еще и лучше. Но если из всего этого ничего не получится, то нам надо подумать, нет ли еще какого-нибудь другого способа до них добраться».

«Такое впечатление, что ты уже что-то придумал», – со стоном выдохнул Детлеф, пытаясь устроиться поудобней, чтобы спина не так сильно болела.

«Вчера мы уже говорили об этом. Нам надо поближе присмотреться к тем четверым, которые хотят купить дом. Зачем-то ведь он им нужен. И как детективы вы, конечно, знаете, что самым первым вопросом является следующий: кому это выгодно?»

Керстин вскочила:

«Пойду спрошу у дедушки Феллингера, кто это был. Одного я даже знаю».

«Что-что, неужели ты кого-то из них знаешь?» – загалдели удивленно мальчишки.

«Ну да, я тут видела как-то двоих. Они были на спортивном автомобиле, ну таком, где-то в пять тысяч лошадиных сил».

«Сколько, сколько? Пять тысяч? Ты что, на солнце перегрелась?» – обрушился Увэ на сестру, а все остальные расхохотались.

«Ну ладно, может, и не пять тысяч, может, и меньше. Я только хотела сказать, что у них была

ужасно быстрая машина. Когда она ехала, камни так и брызгали у нее из-под колес, и на дороге за ней остался след».

«В ней сидело двое?» — спросил Йенс.

«Да, и дедушка Феллингер сказал, что из его мельницы они хотели сделать дорогой ресторан».

«А ты их сможешь узнать?»

«Наверно, но точно я не знаю. Но одного я точно узнаю по голосу. Он был такой дребезжащий, как... ну, как... как я не знаю что. Он был там главным».

«Гм. Ну, беги, спроси дедушку Феллингера, может, он знает о нем еще что-нибудь. И кто эти остальные трое».

Прошло несколько минут, и они увидели, как из дома вышел дедушка Феллингер и направился к ним. За ним шла Керстин, неся двух котят. «Вы их уже видели? Это Альфа, а это Гамма».

«Я знаю только гамма-лучи, — буркнул Йенс, — из научно-фантастических фильмов, или как они там называются».

«Из каких таких фильмов? Сейчас что, показывают фильм про кошек?»

«Ближе к делу! — прикрикнул на них Увэ. — Дедушка Феллингер, ты не мог бы рассказать нам, что это были за четверо, которые хотели купить твою мельницу?»

Старик неторопливо опустился на стул, который ему поспешил принести Гаральд.

«Ну, четверо — это я, вероятно, немного преувеличил. Один лишь побродил тут вокруг немного и спросил, не продается ли эта усадьба. И когда я ответил, что нет, он сказал, что очень жаль. Это было бы райским уголком. У него достаточно денег, и если я вдруг передумаю, то должен обяза-

тельно дать ему знать. Но своего адреса он мне так и не оставил».

«Ну что ж, этого нам придется из своего списка вычеркнуть», — констатировал Стефан.

«Я ему сказал, — продолжал старик, — что если у него много денег, то он мог бы построить себе красивый дом. Но он сказал, что местные власти никогда не дадут ему разрешения на строительство дома в таком изумительном по красоте месте, посреди леса. А он всегда мечтал жить на природе!»

«А другие? Адреса других у вас... у тебя есть?» — поинтересовался Йенс.

«Подождите, дайте подумать! Нет, адресов их у меня нет. У меня есть адрес и телефон только последнего, из Дармштадта. Он дал мне свою визитную карточку. Остальные же... — ну я ведь совершенно недвусмысленно всем заявил, что они зря теряют время, я не собираюсь никому ничего продавать. Один вообще-то сказал, что еще раз заглянет... Пойдите-пойдите, своими расспросами вы навели меня на очень интересную мысль».

«Какую мысль?»

«Подождите, не торопите. Так вот, этот тип из Дармштадта предложил мне за дом и участок — а это большой участок, отсюда и до тех кустов — 650 тысяч марок».

«Ого! — поразились мальчики. — Это же целая куча денег!»

«Это еще не самое удивительное. Этот участок наверняка того стоит. Удивительно то, что два первых, которые не оставили мне своего адреса, предлагали мне за него значительно меньше. Один был готов заплатить 350 тысяч, другой — 60, в общем, тоже меньше 500 тысяч».

«И что в этом такого удивительного? — спросил Увэ. — У них просто не было таких денег!»

«Мне вот сейчас пришла в голову мысль, а не были ли первые двое подставными лицами?»

«Как это: подставные лица?»

«Может быть, этот из Дармштадта специально подослал их сюда, чтобы они притворились покупателями и предложили мне за дом и сад довольно низкую цену. И тогда та сумма, которую он предлагал мне сам, должна была показаться мне сказочно огромной. Он наверняка думал, что старикан, мол, все равно в этом не разбирается, его быстро можно будет обвести вокруг пальца...»

«Ну это же!..»

«Это же подло!»

«Надо же, до чего некоторые могут додуматься!»

«Подождите, подождите, я ведь не знаю точно, так ли это. Мне это просто пришло в голову, потому что ни один из них не оставил мне своего адреса... Но, впрочем, какая разница. Продавать я все равно ничего не собираюсь.»

«Дедушка Феллингер, я вот еще что хотел у тебя спросить, — прервал установившееся на несколько минут молчание Торстен. — Когда ты умрешь...»

Йенс толкнул его в бок.

«Ну, что опять, чего ты пихаешься?» — возмутился Торстен.

Старик улыбнулся. От его глаз разбежались веселые морщинки.

«Потому что люди считают, что это нетактично — разговаривать со стариком о его смерти. Поэтому Йенс и толкнул тебя. Но со мною вы можете спокойно об этом говорить, этим вы меня ничуть не обидите. Так что ты хотел спросить, Торстен?»

«Ну, вот... э... когда ты умрешь... ну, через сто лет или даже позже...»

На этот раз засмеялись все. Торстен было обиделся, но старик, подвинув свой стул, положил ему руку на плечо. «Ну, что тогда, когда я умру, Торстен?»

Глаза старика смотрели на мальчика дружелюбно и одобряюще.

«Ну да, кому это все достанется?»

«Да, это действительно вопрос. У меня нет детей. Но племянница у меня есть. Она живет с мужем на юге Германии, и у нее самой уже есть дети. Ей, наверное, и перейдет дом по наследству. Вообще-то я собираюсь еще парочку лет наслаждаться красотой этой долины».

«Нет, дедушка Феллингер, ты должен жить еще долго-долго», — сказала Керстин, и было видно, что она действительно хотела этого всем сердцем.

«Если Бог мне это даст, буду очень рад. Но если Он решил по-другому, тоже не беда. Он никогда не ошибается».

Джимо медленно поднялся: «Здесь, конечно, очень красиво, но красотой сыт не будешь. Мне пора домой, обедать».

«Ты прав, — поддержал его Увэ. — Пойдем, Керстин!» Вслед за ними поднялись и другие.

Они, по всей видимости, успели неплохо отдохнуть после своих трудовых подвигов, потому что прямо с места взяли в карьер, как будто уже чувствуя запах котлет, жарящихся на маминой сковородке.

Лишь Гаральд немного задержался. Он отнес стул дедушки Феллингера на место и, прощаясь, сказал: «Спасибо вам большое за все! Особенно, что вы... ну что так... ну, в общем сами знаете! Завтра мы снова придем. Обязательно!»

Он помахал на прощание рукой и пустился догонять остальных.

Йенс, Детлеф, Гаральд и Торстен сидели на ограде и изо всех сил старались вести себя как всегда, хотя от волнения нервы были, как натянутая струна, — тронь, и зазвенит.

Они то и дело украдкой оглядывали окрестности. Поблизости не было видно ни одного полицейского. Оставалось только надеяться, что они все-таки заняли исходные позиции, как и договаривались.

К детективам с нарочито беззаботным видом подошел Джимо. Как если бы мотоциклист уже стоял от них в двух шагах, он еле слышно прошептал: «Все в порядке. Полицейские ждут за углом». Четверо друзей кивнули. Джимо, не торопясь, прошествовал дальше.

Прошло еще 15 минут.

Всякий раз, заслышав шум мотора, друзья настораживались — едет? Но нет, не он.

Вдруг Детлеф сказал: «Вот и он!»

И действительно, знакомый рев мотоцикла становился все оглушительней. Вот он уже вынырнул из-за угла, промчался, не снижая скорости, по улице и резко затормозил напротив друзей.

«Все сделали?»

«Естественно», — произнес Йенс как можно непринужденнее.

«Ну что ж, тогда испытаем», — он слез со своего мотоцикла и размашистым шагом направился к телефонной будке.

Мальчишки переглянулись и тревожно обвели взглядом окрестности.

«Оставайтесь здесь», — шепнул им Йенс, спры-

гивая с ограды, и направился вслед за мотоциклистом.

Тот оставил дверь телефонной будки немного приоткрытой. Полистав телефонный справочник, он опустил в прорезь монету и набрал номер.

«Гудки! Линия исправна!»

«Но кабель мы перерезали. Просто ее уже починили!»

«Проверим». Пауза. «Господин Феллингер? Это почтовое отделение. Мы хотели проверить, исправна ли телефонная линия... Очень хорошо... А когда, вы говорите, были неполадки? Мне это надо для отчетности... Так, так, хорошо, записал. Спасибо, до свидания».

Мотоциклист вышел из телефонной будки. На улице его поджидал полицейский, который очень дружелюбно спросил: «Это ваш мотоцикл стоит вон там?»

«Мой».

«Не могли бы вы показать свои документы?»

«Конечно, конечно. Пойдемте, они у меня под сиденьем».

Он размашисто зашагал к мотоциклу, полицейский — вслед за ним, не отставая ни на шаг, но было видно, что он был немного сбит с толку невозмутимостью мотоциклиста.

Подойдя к мотоциклу, тот вытащил что-то из-под седла и протянул полицейскому. В мгновение ока оказавшись в седле мотоцикла, уже оттуда он обратился к стражу порядка: «Я здесь только проездом и остановился позвонить». Заурчал мотор.

Полицейский все еще рылся в дешевом клеенчатом бумажнике в поисках водительских прав и документов на мотоцикл, но натыкался лишь на всевозможные квитанции, рекламные проспекты

и тому подобный бумажный хлам, которым были забиты все его отделения. «Да, но где же...» начал было он, но как раз в этот момент мотоциклист отпустил сцепление и нажал на газ.

Полицейский инстинктивно схватил мотоциклиста за куртку, но когда мотоцикл рванул вперед, удержать его он был, конечно же, не в состоянии.

«Хонда» с ревом скрылась за поворотом. Полицейский побежал к машине, где его коллега уже быстро говорил что-то в микрофон. Распахнув дверцу, он плюхнулся в машину, и она умчалась в том же направлении, что и мотоциклист. Но было ясно, что погоня эта была довольно безнадежной затеей.

Мальчишки повскакивали со своих мест.

«Нет, ну надо же!»

«Они что, совсем с ума сошли, вот просто так взять и дать ему уйти!»

«Ну, теперь он с концами!»

Стефан, который вместе с Джимо наблюдал за всем происходящим из-за угла дома, не мог сдерживать возмущения: «Это нужно еще суметь, так-то его упустить! Он ведь уже был почти у них в руках, а они дали ему уйти!»

«Ну, — примирительно заметил Торстен, — с кем не бывает, что вот, казалось бы, верная добыча, а все равно уходит. Не правда ли, Стефан и Джимо?»

«Да уж», — признал его правоту Стефан и смущенно отвернулся.

И снова в усадьбе Феллингера кипела работа.

Была суббота, и поэтому к ребятам мог присоединиться и старший брат Торстена, на самом деле согласившийся вставить новые стекла. Вчера вечером он снял мерки, сегодня с утра направился в магазин, и полчаса назад его старенький «Рено-4»,

груженный стеклом и инструментами, подъехал к крыльцу дедушки Феллингера. Торстен ассистировал брату, вскоре к ним присоединился и Йенс.

Накрапывал дождик, и дедушка Феллингер решил, что если ребята и будут работать, то только в доме. Вот поэтому Джимо, Стефан и Гаральд весело громыхали на чердаке, очищая его от накопившегося за долгие годы хлама.

Хоть дедушка Феллингер и запретил им хоть что бы то ни было выбрасывать без его разрешения, на чердаке было столько всяких обломков, осколков и изъеденных червями деревяшек, что вскоре тачка, стоявшая у двери, была загружена доверху.

Увэ и Детлеф помогали убирать квартиру: вооружившись пылесосом и тряпкой, они орудовали в углах, куда дедушка Феллингер с его больной спиной уже не мог добраться. Керстин возилась на кухне, причем с таким усердием, что родители были бы несказанно удивлены, увидь они свою дочь сейчас.

Зазвонил телефон.

Старик снял трубку.

«Да, хорошо. Минутку, — он положил трубку рядом с телефонным аппаратом и позвал: — Йенс! Ты где? Йенс?»

«Я тут, наверху».

«Подойди к телефону. Твоя мама хочет с тобой поговорить».

Йенс положил на подоконник кусок оконной замазки, которой он как раз замазывал щель в раме, и сбежал по лестнице.

«Мама? Что случилось?»

«Послушай, мой мальчик. Только что нам позвонил какой-то парень и спросил тебя. Он сказал,

что вы вчера договорились встретиться, но ему там что-то помешало. Что-то с мотоциклом, и ему пришлось быстро уехать. Ты знаешь, о чем идет речь?»

«Да, конечно! И что ему было нужно?»

«У него к тебе было какое-то дело, и он просил, чтобы ты ему позвонил. Он оставил свой телефонный номер».

«Свой номер? Аж прям не верится!»

«Почему?»

«Да так, пустяки. А ты ему сказала, где я?»

«Нет, конечно, ты ведь мне не сказал, куда идешь. Но я была уверена, что смогу это узнать у родителей Гаральда, потому что они чаще всего в курсе. Я ему только сказала, что попытаюсь тебя разыскать и что ты в ближайшие полчаса ему позвонишь. Но это было уже десять минут назад. Мне ведь сначала надо было тебя найти».

«Хорошо, мамуля, диктуй его номер». Йенс взял листок и карандаш, лежавшие тут же на столике, и начал записывать. «Спасибо тебе большое!» — сказал он еще раз и, когда мама поинтересовалась, в чем же тут все-таки дело, заверил ее, что объяснит ей это позже, и положил трубку.

Сногсшибательное известие о том, что владелец «Хонды» просил ему позвонить, в мгновение ока облетело весь дом. Все сгрудились в коридоре у телефона.

«Ясно одно, — заявил Джимо. — Вряд ли он дал нам номер своего домашнего телефона. Он ведь должен учитывать и то, что мы расскажем о нем полиции, и они тогда узнают, где он живет».

«Может быть, это номер телефонной будки...» — предположил Гаральд.

«Да, или телефон на какой-либо фабрике, или в бюро, или у какого-нибудь знакомого, которого

нет дома, или еще что-нибудь в этом роде. В пользу этого говорит и то, что он попросил позвонить ему в течение получаса».

«Как бы то ни было, он, кажется, не догадался, что мы заодно с полицией».

«Да, но может, он просто хочет устроить нам разгон...» — покачал головой Гаральд.

«Да нет, вряд ли, — ответил Йенс. — Я не думаю, что из-за этого он бы стал так рисковать. И к тому же вполне вероятно, что он считает, что к появлению полиции мы не имеем никакого отношения. Он, должно быть, уверен, что, рассказав обо всем полиции, мы навредим самим себе».

«Ладно, хватит языком трепать, — прервал его Джимо. — Звони ему».

«Не спеши! Сначала нужно все хорошенько продумать, чтобы не наделать глупостей».

«Ну какие тут можно наделать глупости?»

Тут в разговор вмешался Стефан: «А может, лучше передать этот номер полиции?»

Это предложение было встречено друзьями без особого восторга.

«Полиции?»

«Один раз они его уже упустили!»

«Но мы же не знаем, что ему нужно».

«И время к тому же поджимает».

«Ну хорошо, — сказал Йенс. — Я звоню. Но никто, пожалуйста, ни звука! Я должен сосредоточиться. И кроме того, он не должен слышать никаких других голосов».

Все поспешили его заверить, что будут молчать, как рыбы, и Йенс набрал номер.

«Да?» — отозвался на другом конце провода голос, Йенсу совершенно незнакомый. Ведь до этого он слышал его только искаженным, из-под

мотоциклетного шлема. «Это Йенс Фабер. Ты просил тебе позвонить?»

«Хорошо. Я был не вполне уверен, что нашел правильный номер. Не мог точно припомнить твоей фамилии. Ты один?»

«Нет, мои друзья тоже здесь».

«Ну хорошо. Вчера из-за полиции мне пришлось смотреть удочки. Думаю, что какое-то время мне не стоит появляться у вас в Клейнхадерне. С другой стороны... Честно говоря, сроки уже поджимают. В ближайшее время я должен доложить заказчику об успехе».

«Каким успехе?»

«Обойдемся без лишних вопросов. Как бы то ни было, вам нужно будет повернуть еще парочку операций. Да и ваши 50 марок тоже еще у меня. Вы чисто тогда сработали».

«Я не знаю...»

«Послушай, Йенс, на этом деле вы можете зарабатывать 200 марок. А может, еще и больше».

Увэ стоял вплотную к Йенсу и поэтому был единственным, кто, помимо Йенса, мог слышать все, что говорилось на другом конце провода. Теперь он усиленно кивал головой, показывая Йенсу, что он обязательно должен принять это предложение».

«Звучит заманчиво, — протянул Йенс нерешительно. — А поподробней?»

«Подробности — при личной встрече. Но у вас встречаться нам нельзя. У вас есть велосипеды?»

«Разумеется! Что за глупый вопрос!»

«Если ехать от вас по шоссе в сторону Грюнфельда, то вскоре выезжаешь на перекресток, где сходятся пять или шесть разных дорог. Там растет большая липа...»

«У дорожного указателя „Четыре стрелки“. Я знаю это место».

«Прекрасно. Ждите меня там завтра в три».

«Ладно, сделаем. Но если вдруг, скажем, по какой-нибудь причине у нас что-то не заладится, я могу позвонить тебе по этому телефону?»

«Только попробуй сюда позвонить! Это не мой телефон, и вообще, это не твое собачье дело!»

«Ладно, ладно, не горячись, я только спросил...»

«Если кто-то из вас не сможет прийти, тогда обойдемся и без него. Еще вопросы?»

«Я думаю, с остальным все ясно».

«И смотрите, никому об этом ни слова!»

«О чем речь! Уж секреты-то мы хранить умеем!»

На другом конце провода положили трубку.

«Ну что? Что он сказал? Что ему надо?» — накинулись на Йенса друзья. Он с помощью Увэ подробно передал им содержание разговора.

«И что же нам теперь делать?» — в вопросе Торстена сквозила растерянность.

«Если бы я знал», — откликнулся Йенс.

«Место встречи выбрано поистине гениально, — задумчиво протянул Гаральд. — Если он заметит что-либо подозрительное, то к его услугам шесть дорог...»

«У меня есть идея... — Увэ остановился в нерешительности. — Вот только не знаю, получится ли...»

«Не тяни, выкладывай!»

«Предположим, что лишь двое из вас будут ждать его у указателя. Тогда нас, остальных, будет уже шестеро. Мы можем расставить по одному наблюдателю на каждой из дорог, причем у первого перекрестка. Таким образом мы сможем узнать, откуда он приедет и куда уедет».

«Дельная мысль, — одобрил Йенс. — Это в какой-то мере решает нашу проблему, что мы не можем его преследовать. Но вряд ли это принесет ощутимый результат. Глупо надеяться, что он живет в какой-нибудь из близлежащих деревень».

«Но мы можем сделать немного по-другому, — размышлял вслух Стефан. — Место встречи находится на запад от города. Мало вероятно, что деревня, где он живет, лежит на восток от него, ведь тогда ему бы пришлось ехать через город».

«Точно», — подтвердил Детлеф.

«Я еще не очень хорошо ориентируюсь в здешних местах, — сказал Увэ. — Керстин, сбегай, спроси у дедушки Феллингера, нет ли у него карты?»

Керстин скрылась на кухне и вскоре вернулась с туристической картой, которая хоть и была размеров поистине огромных, но зато очень подробная.

«Дедушка Феллигер сказал, что она уже немного устарела».

«Не беда. Давайте разложим ее здесь на полу».

Они опустились на колени и тщательно расправили карту. «Туземцы» начали объяснять Увэ и Керстин обстановку, когда Йенс, сосредоточенно смотревший в одну точку, вдруг вскочил на ноги: «Слушайте, у меня есть идея! — закричал он, но тут же, вдруг сникнув, добавил, уже значительно тише: — Ах нет, ничего из этого не выйдет. У нас же нет рации».

«Рации? Какой еще рации?» — спросил Джимо.

«Мы копили деньги и хотели купить себе хорошую рацию. Для наших детективных заданий, понимаешь? В магазине радиотоваров стоит одна такая. Но нам не хватает еще марок тридцать. Вот если бы мотоциклист заплатил нам...»

«Расскажи, что ты придумал».

«Мы могли бы посадить кого-нибудь наблюдателем на смотровой вышке, — Йенс ткнул пальцем в карту. — Она стоит вот тут. Оттуда видны все дороги в округе. Не целиком, правда, но большими отрезками. Когда наблюдатель увидит приближающуюся „Хонду“ — а с биноклем это пара пустяков, — тогда он по рации сообщит об этом всем остальным. Они, получив сообщение, должны на велосипедах ехать в том направлении, откуда приехал мотоциклист, до следующего перекрестка. Я же постараюсь как можно дольше задержать его у указателя».

Стефан пришел в жуткий восторг: «Слушай, а ведь это идея! Я уже часто бывал с родителями на смотровой вышке. Оттуда действительно очень далеко видно. И если одну группу разместить вот здесь, в Грюнефельде, а вторую в Брайтенбахе...»

«Предположим, он появится с этой стороны, тогда группа из Брайтенбаха должна развернуться в цепь и ждать тут, тут и тут. Чтобы добраться туда, вам хватит пятнадцать минут. Завидев „Хонду“, вы должны попытаться ее преследовать. Толку от этого будет, конечно, немного, но если дело вообще до этого дойдет, то можно считать, что мы достигли успеха, и немалого. Таким образом мы можем держать под контролем район в радиусе 20 километров от назначенного нам места встречи».

«Ну да, а если он приедет отсюда, то из Грюнфельда мы едем в Вальдхайм и Нассельбах, а если он...»

Раскрасневшиеся мальчики возбужденно обсуждали детали завтрашней операции, когда Торстен вдруг сказал: «Да, но рация-то!»

«Точно, рации-то у нас нет! Как же нам передавать эти сведения со смотровой вышки?»

«Ну, если не хватает всего тридцати марок, то я могу добавить, — небрежно кинул Увэ. — Я давно уже коплю на телеобъектив. Но пока что с этим у меня все равно ничего не получится».

«Ух ты, вот было бы здорово! — обрадовался Детлеф. — Тогда бы у нас на нее хватило. Но тянуть с этим нельзя. Сегодня суббота, и все магазины закрываются в час».

После короткого совещания Увэ и Торстен помчались в город. Остальные взялись за начатую утром работу. Было решено, что вечером они соберутся снова, чтобы поподробней разработать план действий на завтра.

Все были в таком восторге от своего плана, что сосредоточиться на вытирании пыли и передвижении мебели было невероятно трудно. Но совершенно необходимо. Слово свое надо держать.

Воскресный день выдался на славу. Светило солнце, воздух был чист и свеж, редкие белые облачка медленно плыли по голубому небу.

Радуюсь хорошей погоде, толпы горожан устремились на природу.

На смотровую башню, откуда открывался чарующий вид на окрестности, то и дело поднимались группы гуляющих. Они бросали удивленные взгляды на маленького, толстенького мальчишку лет одиннадцати и девочку немного младше его, которые, улегшись грудью на перила ограждения, с невероятным терпением изучали окрестности в бинокль.

Другие отдыхающие, собиравшиеся осмотреть недавно отреставрированные фахверковые дома в Грюнфельде, недоуменно качали головами при ви-

де двух мальчишек, оккупировавших единственную в этой деревне телефонную будку.

Единственная телефонная будка другой деревни, Брайтенбаха, находилась в центре эллипса, который выписывали на своих велосипедах другие два мальчика. Другим центром — у эллипса их, как известно, два — служила навозная куча. У одного из мальчишек к багажнику был привязан какой-то предмет, издававший хрипящие звуки.

Пешеходы, собиравшиеся устроиться на пикник возле дорожного указателя «Четыре стрелки», натыкались там на двух мальчишек, с громкими воплями носившихся по поляне. Отдыхавшие спешно ретировались, и кое у кого из них возникло подозрение, что такой гвалт ребята подняли нарочно, потому что любые соседи были для них нежелательны.

Вдруг эти группки пришли в движение, причем по системе, неразличимой глазу непосвященных отдыхающих.

Сначала Керстин — а о том, что девочка на вышке была именно Керстин, внимательные читатели, конечно, сразу же догадались — испустила негромкий крик, тыча куда-то пальцем. Торстен, ее спутник, направил свой бинокль в указываемом ею направлении и удовлетворенно констатировал: «Да, это точно он!»

Потом он поставил свой аппарат, который до сих пор стоял у него в ногах, на перила ограждения и вытащил микрофон.

«Алло, Гаральд! Алло, Гаральд!»

За несколько километров от смотровой вышки один из мальчишек соскочил с велосипеда, вытащил из привязанного к седлу аппарата микрофон: «Слышу тебя. Ты его видишь?»

«Он, вероятно, свернул с шоссе Б 149. Сейчас он едет по дороге на Лаубесхайм».

«Все ясно. Приступаем к варианту 7».

Увэ, второй из выписывавших эллипсы велосипедистов, прислонил велосипед к дереву и вошел в телефонную будку. Он снял трубку, опустил в щель две монетки и набрал номер.

«Операция „Хонда“, — послышался в трубке мальчишечий голос.

«Привет, Стефан. Мотоциклист обнаружен. Едет с Б 149 по дороге на Лаубесхайм. Поэтому: вариант 7».

«Ясно. Мы уже едем».

И тот и другой собеседники повесили трубки, и четверо мальчишек вскочили на свои велосипеды.

Два наблюдателя на смотровой вышке внимательно следили за мотоциклистом, который миновал одну за другой несколько деревень, а потом выехал на дорогу, идущую через поля. Сомнений быть не могло: это был именно тот, кого они ждали. Мотоциклист явно направлялся к дорожному указателю, который в народе называли «Четыре стрелки», стоявшему недалеко от смотровой вышки.

Йенс и Детлеф слышали рев мотоцикла издавдалека и поднялись с травы.

И действительно, вскоре на дороге показалась знакомая «Хонда».

Но к их неопишуемому удивлению мотоциклист лишь взглянул на них и проехал мимо!

Мальчишки переглянулись: «Что это он?»

«Гм, — задумался Йенс. — Он, вероятно, хочет проверить, нет ли где опасности».

Йенс оказался прав. Спустя несколько минут «Хонда» показалась снова и ехала она в этот раз намного медленней. Мотоциклист окинул взглядом окрестности и остановился.

«Привет!» — окликнул его Йенс.

Мотоциклист махнул им рукой. Не поняв, что ему от них нужно, мальчишки подошли к нему поближе. «Берите свои велосипеды и следуйте за мной! Мера предосторожности!»

«Да, пожалуйста, — подумал Йенс. — Тем дольше ты с нами провозишься». Вслух же он сказал: «Ладно, только ты не забывай, что велосипед — это все же не мотоцикл!»

Они вскочили на свои велосипеды и двинулись вслед за ним по посыпанной гравием дороге, предназначавшейся, вообще-то, лишь для вывозивших лес тягачей. Через несколько минут они завернули на площадку, заваленную еще не обработанными стволами деревьев. Мотоциклист поставил свой мотоцикл на ножки и, еще раз внимательно осмотревшись, сел на ствол, лежавший немного в стороне от других.

Йенс и Детлеф устроились было на другом стволе, но Детлеф тут же подскочил, как ужаленный. «Смола! Так, опять запретят смотреть телевизор или еще что-нибудь придумают», — мрачно предрек он и опустил на траву.

Шлема мотоциклист и сейчас не снял. Он явно не хотел, чтобы кто-то увидел его лицо. «Сначала, как договорились, оплата за прошлый раз», — сказал он и протянул Йенсу банкноту в 50 марок.

Тот взял ее со стесненным сердцем, но рука его не дрогнула. Мотоциклист ничего не должен заподозрить!

«Слушай, а что там произошло, когда полицейский подошел к твоему мотоциклу, а ты потом умчался как ошпаренный?» — наигранно невинно спросил Йенс.

«Так, ничего особенного. Он хотел проверить

документы на мотоцикл. Но так как номер на моем мотоцикле не совсем совпадает с номером, указанным в документах, то я и решил, что нам лучше было расстаться без долгого прощания».

«Ты бы видел лицо этого полицейского!»

«Догадываюсь. Потому-то и решил пока не показываться в вашем городке. Но у меня осталась еще парочка дел, которые надо обстряпать как можно скорее. Сроки уже поджимают».

«А что это за сроки?» — спросил Йенс в надежде, что удастся узнать что-то новенькое. Ну а если нет, то, по крайней мере, протянуть время.

«Неважно. Да, если честно, я сам точно не знаю. Но, думаю, вы уже сами догадались, что главная наша задача — попортить кровь этому старикану с мельницы».

«А зачем?»

«Скорее всего, его хотят оттуда выжить», — пожал плечами мотоциклист.

«Ты думаешь, что кто-то хочет купить эту мельницу? А де... старик не хочет оттуда выезжать?»

«Как бы то ни было, пока что все наши усилия были впустую. Пора выкатывать тяжелую артиллерию».

«Что конкретно ты имеешь в виду?» — спросил Детлеф.

«Пожар».

«Пожар? Ты что, с ума сошел?»

«Только не стройте из себя пай-мальчиков! Да и не дом надо поджечь, а всего лишь сарай».

«Но послушай, — возмутился Детлеф совершенно искренне. — Это уже выходит за рамки допустимого! Ну там забор разломать или воду из пруда спустить — это еще можно. Но пожар?»

«Ну нет, дорогой, — поддержал его Йенс, — это

уж действительно чересчур. Уже с телефоном мы хватили через край. А теперь еще такое!»

От той самоуверенной развязности, с которой мотоциклист беседовал с детективами раньше, теперь не осталось и следа: «Один только сарай! Там и лежат-то всего пара агрегатов да дрова. Он стоит далеко и от леса, и от дома. Это все совершенно не опасно!»

«Это не игрушки, даже если весь дом и не сгорит заодно с сараем».

«Это и не должно быть игрушками! И учтите вот что: на этом можно заработать двести марок. И, если уж на то пошло, я согласен заплатить все триста».

«Ну нет, это не для нас. Тебе надо, ты и поджигай!»

«Мне опасно появляться там! А времени в обрез!» В голосе его послышалось отчаяние, хотя он изо всех сил пытался сохранить остатки своей былой самоуверенности.

«Почему это времени в обрез? К какому сроку надо сжечь сарай и почему?»

«Никакого конкретного срока нет. Но старик должен оттуда убраться. Подробностей я и сам не знаю. Но это все как-то связано с 15-м сентября. Об этом как-то обмолвился мой заказчик. Но вообще-то я не имею никакого права вам об этом рассказывать. Сами видите, как важно поскорее это все обстряпать».

«А ты просто скажи своему заказчику, что из этого ничего не выйдет».

«Но тогда все мои труды были впустую. Я сглупил, согласившись получить оплату после того, как старик оттуда выедет. Пока что мне покрывают лишь накладные расходы».

«Ну тогда скажи...»

«Хватит! — мотоциклист рубанул рукой воздух. — Зря я вообще вам все это рассказал. Чем меньше вы знаете, тем лучше. Для вас же самих лучше».

Йенсу очень хотелось рассказать мотоциклисту, что, по сути, они уже давно работают против него. Но потом он все-таки передумал. Мальчик боялся, что тот придет в ярость и попытается им как-нибудь отомстить. Пусть вдвоем, но все равно они были не ровня этому крепкому молодому парню. А помощи ждать было неоткуда. Нет, пусть лучше об этом его проинформирует полиция!

Но необходимо честно и открыто заявить, что сарая дедушки Феллингера они поджигать не будут. Йенс стал бы презирать себя, если бы сейчас начал лгать и изворачиваться, якобы соглашаясь на сотрудничество, да еще и взял бы за это деньги.

«Послушай, я могу говорить, конечно, только от своего лица, но думаю, что и остальные думают так же. Не будем тратить времени впустую — ни это, ни что-либо подобное мы никогда делать не будем! Извини, если весь этот путь ты проделал напрасно. Что касается нас, для нас все это было не особо обременительно. Просто приятная поездка за город».

«Не забывай, что вы тоже вляпались в это дело по уши! Вы уже немало сделали такого, что полиции могло бы показаться небезынтересным!»

«Ты что, теперь решил нас полицией припугнуть?»

«А что, не испугались?»

«Еще как! Ступай-ка в полицию и расскажи им все, что ты знаешь! Только не забудь упомянуть и о той роли, которую во всем этом играл ты лично».

Мотоциклист, естественно, и сам прекрасно понимал, что никогда не прибегнет к помощи поли-

ции. Если ему не удалось застрашать этих сопляков с наскока, то развивать эту тему дальше просто бессмысленно. Неужели же все потеряно?

Может, попробовать сыграть на их чувствах собственного достоинства? «Вот бы никогда не подумал, что вы такие трусы!»

Детлеф аж подскочил от возмущения. Но прежде, чем он успел открыть рот, заговорил Йенс: «К трусости это все не имеет никакого отношения. Мы просто не хотим, потому что это подло!»

Не в силах больше сдерживать гнев, мотоциклист вскочил на ноги и одним рывком сдернул мотоцикл с ножек. Но тут огромным усилием воли он снова овладел собой и предпринял последнюю попытку: «350?»

Йенс лишь отрицательно покачал головой.

Разразившись потоком брани, которой не место на страницах этой книги, он нажал на газ, и мотоцикл рванулся вперед.

Тем временем запыхавшийся Увэ въезжал в деревню, в которой по варианту 7 он должен был ждать мотоциклиста. Добравшись до перекрестка, он прислонил велосипед к чьему-то забору, а сам сел на бордюр, чтобы немного отдохнуть.

Отдышавшись, он встал и начал ходить взад-вперед.

Недалеко от него беседовали два старика. Один стоял у штакетника, держа на поводке свою собаку, другой же сидел у открытого окна на первом этаже маленького домика и с наслаждением курил трубку.

Увэ как раз в третий раз проходил мимо них, когда в их разговоре наступила пауза.

«Ну-с, молодой человек, и кого же вы ищете?» —

спросил старик, сидевший у окна, а стоящий на улице добавил: «Можешь смело спрашивать, мы знаем всех здесь».

«Да нет, — покачал головой Увэ. — Я только жду тут одного. На тяжелой „Хонде“».

«Это такая дорогая штучка? А у мотоциклиста — красный шлем?» — спросил старик с трубкой.

Увэ кивнул.

«Он давно уже проехал. Минут 20 назад, или даже больше. Он поехал вон туда», — показал старик в сторону, откуда приехал Увэ.

Тут у Увэ появилась идея. «Может быть, вы знаете, откуда он приехал?»

«Ну конечно! — сказал старик с собакой. — Со стороны Реден. Он часто здесь проезжает. Я вижу его иногда, когда выгуливаю свою собаку. Чудное животное, не правда ли? Его зовут Белло».

Увэ, наклонившись, ласково потрепал по голове собаку неопределенной породы и тем самым окончательно покорила сердце ее хозяина и развязал его язык. «Замечательная собака, — согласился с ним Увэ и спросил: — Вы уверены, что это один и тот же?»

«Ах, ну конечно же! Второго такого дорогого мотоцикла во всей округе нет. И кроме того, он носится по деревне с такой бешеной скоростью... По шоссе пусть ездит как хочет, но здесь... Ну, если он твой друг, скажи ему, чтоб ездил немного осторожнее!»

«Хорошо, передам, — пообещал Увэ. — Спасибо вам большое и до свидания».

Мальчик вскочил на свой велосипед и, изо всех сил налегая на педали, понесся по дороге, ведущей в Реден. На самом въезде в деревню мальчика обогнал тяжелый мотоцикл. Он!

Увэ поднажал и успел увидеть, как на следующем перекрестке мотоцикл повернул налево.

Догнать его было, конечно, невозможно, но тем не менее Увэ решил продолжать преследование.

Дорога шла круто в гору, и мальчику пришлось слезть с велосипеда и толкать его перед собой. Сегодня он уже немало проехал, и силы потихоньку покидали его. Спустя десять минут он взобрался на вершину холма и увидел лежавшую у его подножия деревню.

Здесь он уже мог снова сесть в седло и дать велосипеду самому катиться под гору.

В этих краях Увэ еще никогда не бывал. «Как тут красиво!» — изумился он. Обязательно нужно будет приехать сюда еще раз, но попозже, когда все это немного уляжется.

По его оценкам, до дома сейчас было километров 25, а то и все 30. Да, но что же делать дальше? Ему так повезло со стариками в предыдущей деревне, почему бы не попробовать спросить у прохожих и здесь?

Сказано — сделано. Первые двое, к которым он обратился с вопросом о мотоциклисте на тяжелой «Хонде» и в красном шлеме, лишь пожали плечами. Зато женщина, стоявшая у светофора, в ответ сказала: «Тяжелый мотоцикл? Спроси лучше у моего сына, он сейчас в хлеву, вон там».

Увэ направился в указанном направлении и, найдя хлев, в котором между коровами с невероятной быстротой передвигался молодой парень, заученной скороговоркой повторил свой вопрос.

«Какой, говоришь, марки?» — переспросил молодой крестьянин.

«Хонда».

«И мотоциклист живет в нашей округе?»

«Да».

«Тогда могу дать один совет. Езжай вон по той дороге. В следующей деревне найдешь ремонтную мастерскую, а при ней автозаправку. Там я всегда ремонтирую свой трактор. Там продают и мотоциклы, главным образом „Хонды“. Прямо над мастерской вывеска с большими буквами. Спроси там».

«Большое спасибо. Там-то уж я точно найду его». — Увэ был просто вне себя от восторга.

«Удачи тебе», — пожелал ему крестьянин.

«Спасибо, и вам тоже!»

«Мне тоже? И в чем же я, по-твоему, должен иметь удачу?»

«Ну, в доении коров и тому подобное...»

Парень громко рассмеялся, но Увэ этого уже не слышал. Он снова мчался на своем велосипеде по дороге.

В следующей деревне он без особого труда нашел ремонтную мастерскую. Было воскресенье, поэтому на дверях мастерской висел замок, но, окрыленный сопутствовавшим ему весь день успехом, Увэ позвонил в дверь соседнего с мастерской дома.

Дверь открылась. На пороге стоял бородач и довольно неприветливо смотрел на мальчика. Увэ тут же пожалел, что потревожил его покой, но отступить было поздно.

«Простите за беспокойство, но вы ведь продаете и „Хонды“, так ведь?»

Черты лица бородача, учувшего близость сделки, немного смягчились. «Разумеется, и на вывеске это написано».

«А самые тяжелые модели у вас тоже есть? Кто-нибудь уже купил у вас такую?»

«Из самых тяжелых на данный момент я продал

всего одну „Хонду“. Весной, Петеру Кюну. Вообще-то в нашей округе никто тяжелыми мотоциклами особо не интересуется».

«А где живет этот Петер Кюн?»

«В Гундерсхайме. Хочешь посмотреть на его мотоцикл? Но у тебя же еще нет водительских прав! Показать тебе, какие мопеды у нас есть?»

«Да нет, на мопеде мне тоже еще рано. Может быть, потом. Большое вам спасибо!»

И Увэ умчался, провожаемый сначала удивленным, потом разгневанным взглядом бородача.

Увэ отправился на поиски телефонной будки и нашел ее на центральной площади деревни. Он набрал свой домашний номер.

«Мама? Это я, Увэ. Можешь позвонить в полицию. Я разыскал мотоциклиста. Его зовут Петер Кюн, и живет он в Гундерсхайме... Я вообще-то тоже не знаю, где это... Да, совершенно точно... Ах да, чуть не забыл: я сегодня немного задержусь. Так что не волнуйся... Ну, пока!»

Увэ повесил трубку и, вскочив на велосипед, пустился в обратный путь.

В понедельник утром в караульном помещении царила грозная атмосфера. «И я, по-вашему, должен поверить, — метал громы и молнии полицейский, — что вы понятия не имеете, кто этот ваш заказчик?»

«Но я действительно этого не знаю! Клянусь!»

«Но вы признаете, что поручили этому мальчику, который опознал вас по голосу — вы ведь предосторожности ради никогда не снимали шлема, — что поручили этому мальчику разбить стекла в окнах мельницы, принадлежащей господину Августу Феллингеру».

«Ничего я не признаю! И если этот сопляк разбил где-то окна, то почему бы вам не арестовать его, а меня отпустить?»

«Пока что мы обсуждаем здесь сделанное вами. Кроме того, вас обвиняют в том, что здесь, в городе Кляйнхадерн, вы уклонились от проверки документов полицейским, осуществлявшим контроль за дорожным движением, путем побега.»

«Что-то я такого не припомню.»

«Зато мой коллега очень хорошо вас запомнил. Но мы можем освежить вашу память. Госпожа... э-э...»

«Нагель», — поспешила ему на помощь мама Увэ, уже знакомая с этой особенностью памяти унтер-офицера.

«Госпожа Нагель, на данный момент ни вы, ни ваш сын нам пока не нужны. Вы можете идти. Ваш адрес и номер телефона у нас есть.»

Полицейский был как раз занят разговором со своей коллегой, когда Увэ, проходя мимо Петера Кюна, услышал его шепот: «Подлый предатель».

«А ты, конечно же, благороднейшей из всех людей».

«Скажи мне только одно: как ты узнал мое имя и где я живу?»

«Очень просто: вчера, когда ты был у указателя „Четыре стрелки“, мы за тобой следили.»

«Следили? Ты бредишь! Уж не на велосипеде ли?»

«Конечно, на велосипеде!»

«И ты думаешь, я тебе поверю? Ты за кого меня принимаешь? За беспросветного идиота?»

«Беспросветного идиота? Гм — я не люблю вступать в пререкания со старыми друзьями.»

Петер Кюн замахнулся было, но его остановил окрик полицейского, который повернулся как раз вовремя, чтобы заметить это движение. Мать и сын вежливо попрощались и покинули полицейский участок.

Дойдя до детской площадки, Увэ попрощался с мамой и направился к своим друзьям, приветствовавшим его громким «Привет!»

Увэ, несомненно, был героем дня. Но это совсем не означало, что хоть кто-то из компании упустил возможность во всех подробностях описать свой вклад в успех этой операции. Было все: много смеха, рассказов, оживленной жестикуляции, отчетов, добавлений, преувеличений, приукрашиваний — короче, это была одна из тех дружеских встреч, когда время пролетает незаметно.

Увэ рассказал также о том, что дал допрос Петера Кюна в полиции. А именно, что он совсем ничего не дал. Это немного омрачило их радость. Арест мотоциклиста по сути дела ничего не принес. Никто не знал, кто дергал ниточки во всей этой игре. И из того, что поведали о своем разговоре с мотоциклистом Йенс и Детлеф, было ясно, что тот не просто скрывал имена главных действующих лиц, а на самом деле ничего о них не знал.

«Тогда давайте попробуем по-другому, — предложил Стефан. — Давайте присмотримся поближе к людям, которые хотят купить дом».

«Да, но после того, что рассказал нам дедушка Феллингер, у нас остается только этот пижон из Дармштадта», — сказал Гаральд.

«Ты прав, — воскликнул Стефан. — А так как на велосипеде в Дармштадт не поедешь, у нас остается лишь одна возможность».

«Какая же?» — вопрос задал Торстен, но остальные тоже смотрели на Стефана с недоумением.

«Он должен приехать сюда».

«Стефан прав, — уловив его мысль, тут же поддержал его Йенс. — Мы должны уговорить дедушку Феллингера вызвать его из города. Тот наверняка решит, что дедушка решил продать дом, и тотчас примчится».

Все пришли в жуткий восторг от этой идеи. Но в тем большее замешательство привел их вопрос Керстин, спросившей: «Ну и зачем нам это? Что вы собираетесь с ним делать, когда он придет? Вы что, возьмете и спросите его просто так: „Извините, это вы скрываетесь за всеми этими гадостями?“»

«Ты вообще-то права, Керстин, — задумался Джимо. — Это будет совсем непросто. Но мы можем рассказать ему кое о чем из того, что мы уже знаем, и посмотреть, как он будет реагировать».

«Не знаю, — в голосе Йенса звучало сомнение, — может быть, это нам и поможет. Но, с другой стороны, это предупредит его об опасности, и он станет еще осторожнее. И если позже дело все-таки дойдет до суда, то какая польза будет от того, что он, услышав какой-то наш вопрос, может быть, вздрогнул? Это ведь никакая не улика».

«Может быть, пусть этим покупателем займется полиция?» — спросил Увэ. Это решение далось ему нелегко, очень уж ему хотелось, чтобы они сами распутали весь этот клубок до конца. Они только-только набрали скорость, а теперь резко тормозить... Но если дальше дороги нет, то что же им остается делать?

«Я голоден, как волк!» — вдруг заявил Торстен. Это замечание, не имевшее к их детективной работе

совершенно никакого отношения, напомнило им всем, что давно пора сделать перерыв на обед.

«После обеда на мельнице?» — спросил Гаральд.

«Совершенно верно! — откликнулся Йенс. — И не для болтовни, а для работы. Раз уж обещали...»

«Надо же хоть немного загладить свою вину», — кивнул Детлеф.

Когда Увэ в этот вечер наконец-то добрался до постели, все его тело ломило так, будто его избил жестокий надсмотрщик над рабами. Хотя ничего особенного он сегодня за день и не сделал: лишь немного прополол — они наконец-то закончили приводить в порядок сад, — немного помахал косой, наколот дрова и поработал лопатой. Хотя, конечно, слово «лишь» здесь не совсем уместно. Все вместе они сделали не так уж и мало. И в доме, и в саду царили чистота и порядок. Увэ уснул, лишь только его голова коснулась подушки. Ему снилось, что он на велосипеде преследует тяжелый мотоцикл. Левой рукой он держится за руль, в правой у него коса, как у Смерти на старых картинах. Видя, что догнать мотоцикл ему не удастся, Увэ начал косой вырывать из земли огромные сорняки и забрасывать ими своего врага.

Один меткий бросок — и враг упал на землю, но тут же вскочил на ноги и встал в боевую стойку. Приближаясь к нему, Увэ увидел, как красный шлем мотоциклиста медленно превращается в железный, какой раньше носили рыцари. Из-под поднятого забрала на Увэ угрюмо смотрел незнакомый бородач. Рыцарь бросился на Увэ, вырвал у него косу и связал его водорослями из плескавшегося неподалеку мельничного пруда.

Но Увэ все-таки удалось освободить одну руку,

из последних сил он вырвал куст крапивы и ткнул им врагу прямо в лицо. Громко заорав, он с воем убежал.

Но странно — этот вой вскоре послышался снова, но раздавался он уже с другой стороны.

Увэ проснулся. Нет, вой был совсем не вой, а сирена пожарной машины, промчавшейся под его окном.

Пожар?

Увэ так и подскочил. Неужели?..

И действительно! Пожарная машина выехала на дорогу, ведущую к мельнице.

„Этот подлый шакал,“ — пронеслось у Увэ в голове. — Он решил-таки сделать это сам! И это после того, как утром побывал на допросе в полиции!

Но он же будет все отрицать! Надо поймать его на месте преступления, тогда-то уж он точно попадет за решетку».

В одно мгновение Увэ натянул рубашку и штаны поверх пижамы, сунул ноги в ботинки и, кое-как зашнуровав их, выскочил из квартиры.

Отец выглянул было из спальни и закричал ему вслед: «Увэ, постой! Куда это ты собрался?», но удержать Увэ было невозможно. Он был весь во власти одной идеи. Она пришла ему в голову где-то между затягиванием ремня и завязыванием шнурка на правом ботинке. Эта идея заключалась вот в чем: если этот пожар устроил Петер Кюн, то к мельнице он пробрался наверняка тем же самым путем, каким однажды послал Увэ! Там-то он его и поймают!

«Арестовать его я, конечно, не могу, — размышлял Увэ. — Но, по крайней мере, за ним наблюдать и выступить потом в качестве свидетеля. Может

быть, он еще не вернулся, и его мотоцикл все еще стоит там. Тогда просто не дать ему сбежать! Я спущу колеса или оборву провод, или вывинчу и разобью камнем свечи зажигания.

Увэ бежал через лес, на ходу измышляя все новые и новые варианты вредительства.

Но бежал он не по направлению к мельнице, а сильно забирая влево, в направлении шедшего там шоссе.

Задыхаясь, он выбежал к шоссе и начал карабкаться вверх по откосу. Но не успел он выбраться на дорогу, как справа послышался шум торопливых шагов.

Увэ быстро пригнулся. В темноте никто его заметить не мог.

Вверху, на шоссе, мимо пробежал какой-то человек — причем направлялся он к городу.

Было темно, и Увэ не мог его рассмотреть хорошенько. Но, судя по силуэту и походке, это был все-таки мужчина.

Сердце Увэ бешено колотилось. И не только от быстрого бега, но и от лихорадочного возбуждения, охватившего все его существо.

Кто же это такой? Это нужно во что бы то ни стало разузнать!

Подождав, пока незнакомец отойдет подальше, Увэ выбрался из своего убежища и пустился вдогонку. Задача эта была отнюдь не из простых. Ни в коем случае нельзя было приближаться к незнакомцу вплотную, чтобы не налететь на него с разбега, если тот вдруг внезапно остановится, или чтобы не выдать себя шумом шагов. Но и держаться от него слишком далеко тоже было опасно, Увэ легко мог его потерять.

Не видя ничего в темноте, Увэ бежал пример-

но в том же темпе, что и незнакомец. Но чем дальше он бежал, тем неуверенней становились его шаги.

Наконец он остановился и, напрягая слух, стал вслушиваться в темноту. Царила мертвая тишина.

Что это значит? Неужели незнакомец ушел так далеко, что звук его шагов досюда уже не долетал? Или же он где-то свернул с дороги и скрылся в лесу?

Но как бы то ни было, останавливаться на полпути было глупо. Увэ отважно побежал дальше. Вскоре лес закончился, стало светлее, и Увэ остановился, осматриваясь, в надежде увидеть незнакомца.

Казалось, весь мир застыл в ночном безмолвии, но вот Увэ показалось, что далеко справа что-то движется.

Увэ бросился бежать наискосок через луг в том направлении, в котором, как ему показалось, скрылся незнакомец. Обогнув большой куст, он увидел лежащий внизу самый престижный квартал их города, застроенный вилами. Он и бывал-то там всего пару раз. Вдоль его главной улицы на склоне холма богатые люди и те, которым очень хотелось, чтобы их за таковых почитали, построили себе очень красивые дома.

Там горели уличные фонари. И в свете этих фонарей Увэ ясно увидел незнакомца. Выбежав на улицу, тот тут же перешел на шаг, приняв вид безобидного обывателя, вышедшего прогуляться, и скрылся за домами.

Увэ что было сил бросился бежать вниз по склону. Но местность была незнакомая, и вскоре он уперся в изгородь из колючей проволоки. Хорошо хоть успел вовремя затормозить. Пришлось осто-

рожно проползать под проволокой, теряя драгоценные минуты. Когда же он, наконец, выбежал на улицу, незнакомца и след простыл.

В эту ночь Увэ очень плохо спал. Он долго ворочался с боку на бок, а когда наконец уснул, то проспал аж до 9 утра.

Мама как раз поставила перед ним стакан молока, когда в квартиру ворвалась возбужденная Керстин.

«Ты проснулся наконец! Мама мне запретила тебя будить. Я была на детской площадке и рассказала остальным, что сегодня ночью у дедушки Феллингера, наверное, был пожар. Они все стоят внизу. Мы идем сейчас туда».

«Подожди! — сказал ей Увэ с набитым ртом, чего, вообще-то, делать нельзя. — Я уже закончил завтракать, вот только молоко».

Керстин высунулась в окно и оповестила стоящих внизу: «Он готов. Сейчас уже идем».

Спустя пару минут брат и сестра сбежали по лестнице, и вся компания двинулась в сторону мельницы.

По пути Увэ рассказал о своих ночных приключениях. Все были в недоумении.

Но пока что самым главным было узнать, что же там случилось у дедушки Феллингера и как у него дела. Выйдя из леса, они увидели, что вокруг мельницы суетилось множество людей. За домом стояла пожарная машина, перед ним — две полицейские и еще одна пожарная. Там, где раньше стоял сарай, на обугленном фундаменте еще дымилась куча полусгоревших досок и бревен. Вокруг него хлопотали полицейские и пожарники.

Они бросились было бежать к дому, но один из

полицейских преградил им дорогу: «Вам тут что нужно?»

«Мы... мы хотели просто посмотреть», — сказал Увэ. А Стефан добавил: «Мы знаем дедушку Феллингера».

Другой полицейский, который знал Увэ, помахал рукой: «Все в порядке, Эрик. Можешь пропустить детей в дом. Но сюда им нельзя, чтобы не затоптали следов».

«Ну тогда ступайте, — проворчал первый полицейский. — Вы, надеюсь, слышали, что вам было сказано».

Дверь дома была распахнута, и восемь друзей несмело переступили его порог. Дедушка Феллингер сидел в гостиной в кресле-качалке, укутав ноги пледом, хотя в доме было совсем не холодно. Возле него на стуле сидел пастор.

Стефан, шедший впереди, замер на пороге: «Ой, извините, мы не хотели вам мешать».

«Нет-нет! — отозвался дедушка Феллингер. — Вы не помешали. Заходите, заходите!»

Пастор предупреждающе поднял руки, приказывая детям остановиться, и обратился к старику: «Может быть, господин Феллингер, детей лучше отослать, а вам побыть в тишине? Прийти в себя от всех ночных волнений?»

«Наоборот, я очень хочу, чтобы они вошли. Это мне поможет быстрее оправиться от испуга. Я им очень рад».

«Ну тогда входите», — приказал пастор, и вся компания, один за другим, прошла в комнату.

Они смущенно стояли вдоль стены и не знали, что говорить.

Наконец Йенс собрался с духом: «Нам очень жаль, дедушка Феллингер, что все так случилось».

Мы просто и представить не могли, что... Мотоциклист ведь сказал, что это мы должны были это сделать».

«Пожар устроил не мотоциклист!» – сказал пастор.

«Как не мотоциклист?»

«Нет, не он. Полиция уже проверила. Он был дома, и у него железное алиби».

Керстин потянула Увэ за рукав. «А что такое алиби?» – спросила она шепотом.

В комнате было очень тихо, и пастор услышал ее вопрос. Он пояснил: «Алиби – это когда другие люди могут засвидетельствовать о том, где он был во время пожара. То есть здесь он никак не мог быть».

«У нас появилась идея, – подал голос Стефан. – Я не знаю, хорошая ли это идея или... ну так вот, мы решили, что неплохо было бы прощупать людей, которые хотели купить этот дом».

«Это не такая уж и плохая идея. Потому что к этому же выводу пришла и полиция. Главный подозреваемый в сопровождении полицейского уже едет из Дармштадта сюда».

«Это тот, который с дребезжащим голосом и на дорогой машине?» – спросила Керстин.

«Не знаю, посмотрим».

«Да, это он, – включился в разговор дедушка Феллигнер. – Он единственный, кто оставил мне свой адрес. Он по профессии маклер».

«Это не тот, который...» – нерешительно начала Керстин.

«Он торгует домами и земельными участками», – пояснил Увэ.

«Что конкретно произошло сегодня ночью? – спросил Джимо. – Тебя пожар разбудил?»

Старик кивнул: «Ну да, так все и было. Я проснулся от какого-то шума, а потом увидел пламя. Я, конечно, ужасно испугался и сразу позвонил в пожарную часть. И еще в полицию, потому что был уверен, что это поджог».

«Но проку от этого не было никакого, — добавил пастор. — Они никого не поймали, по крайней мере пока. В том, что сарай подожгли, нет никаких сомнений. Они нашли осколки бутылки с бензином, которую, вероятно, разбили о стену сарая».

Торстен, который после своего «плена» на мельнице очень привязался к дедушке Феллингеру, заметил, что их старый друг еще не совсем оправился от пережитого ужаса, что лицо его до сих пор было очень бледным, и сердце мальчика защемило от жалости. «Может быть, мы можем тебе чем-нибудь помочь, дедушка Феллингер?»

«Да вы мне и так очень много помогли, ребята».

«Мы тебе построим новый сарай, обязательно! И мой брат нам тоже поможет, он ведь столяр. Он вчера сказал, что вставлять стекла у тебя в доме было для него одно удовольствие и что ты ему очень понравился. Я уверен, что и с сараем он нам тоже поможет».

«Это действительно очень мило с вашей стороны, дети. Но это дело не спешное. Пусть сначала полиция доведет расследование до конца».

«Дедушка Феллингер, знаешь... э... ну да, — начал нерешительно Йенс, — в общем, нам очень стыдно, что мы были когда-то с этим негодяем заодно. Если он даже сейчас...»

«Ах, Йенс, мы же это все уже обсудили и решили все предать забвению».

«Так-то оно так, но все равно...»

«Мне кажется, Йенс хочет сказать, — пришел

ему на выручку Детлеф, — что сейчас нам за это особенно стыдно».

«Ну да, — подтвердил Йенс. — И я просто хотел быть уверенным, что ты и правда больше не будешь держать на нас зла, если мы тебе поможем и постараемся загладить свою вину».

Несколько минут дедушка Феллингер сидел молча, как будто хотел хорошенько обдумать свой ответ. А может, он действительно собирался с мыслями.

Потом он заговорил, неторопливо и размеренно: «Здесь нам, дети, необходимо четко разграничить два вопроса. Сначала поговорим о возмещении нанесенного вами ущерба. Размер убытков, причиненных вами, можно приблизительно измерить, как, впрочем, и объем проделанной вами на мельнице работы. Они наверняка уже примерно равны. А если еще нет, то, принимая во внимание все то, что вы собираетесь сделать, компенсация будет полной. На этом, я думаю, вопрос о возмещении нанесенного ущерба можно считать исчерпанным».

Старик сделал паузу, нашел глазами Йенса и продолжал: «Ну а второй вопрос — это тот, не держу ли я на вас зла. Еще в тот раз я вам сказал, что не сержусь на вас. Почему же этот пожар, к которому вы не имеете никакого отношения, должен был в этом что-то изменить? Но чтобы у вас не осталось в этом ни малейшего сомнения, скажу вам еще раз: нет ничего, абсолютно ничего, что стояло бы между вами и мной. Вы извинились, и я вижу, что ваше раскаяние было чистосердечным. Вы мне все очень по душе — и с чего бы мне на вас злиться? Поэтому я считаю, что вопрос номер два тоже исчерпан».

В наступившей тишине послышался робкий голос Торстена: «Ты говоришь это так, как будто есть еще и вопрос номер три».

«Он действительно есть, молодые люди. И суть его в том, что вам необходимо обрести мир с Богом. И этот вопрос еще открыт. Я не хочу лезть вам в душу, чтобы узнать, что вы обо всем этом думаете. Главное, чтоб вы поняли: то, что вы исправили свою ошибку, загладили свой проступок перед людьми, и они и думать о нем забыли, совсем не значит, что и для Бога это все автоматически кануло в забвение. Бог никогда ничего не забывает случайно, а лишь то, что Он уже простил. И уж тогда-то память об этом стирается действительно без следа».

«Это уж точно!» — вырвалось у Увэ.

«Увэ это знает, — сказал пастор, — потому что недавно он на собственном опыте испытал, как Бог все ставит на свои места».

«Да, но... — начал было Йенс, но замолчал на полуслове. Видя, что никто не спешит прийти ему на помощь, он через силу закончил свое предложение: — Мне тут не все понятно».

«Я думаю, за объяснением вам лучше обратиться к пастору Вайсу, — сказал дедушка Феллингер. — У него это получается намного лучше, чем у меня».

«Вот в этом я сильно сомневаюсь, — откликнулся тот. — Напротив, я считаю, что никто не сделает этого лучше, чем вы, господин Феллингер».

На старика были устремлены восемь пар горящих детских глаз, и выбора у него, в общем-то, уже не было. «Я не очень-то силен в объяснениях. Но я охотно сделаю то, что мне под силу. Я расскажу вам о том, как это было со мной. Но прежде, пожалуйста, будьте так любезны, садитесь. Здесь еще

найдется пара свободных стульев, а остальные могут сесть на пол».

Все расселись, не проронив ни слова, и с напряженным вниманием слушали, как дедушка Феллингер начал свой рассказ: «Я родился и вырос в этом доме. У меня было прекрасное детство. Каждую свободную минуту мы с сестрой проводили в саду или в лесу. И лес, и ручей мы знали как свои пять пальцев, а может быть, еще и лучше. Мой отец работал тогда в фирме „Ляймрот и Ко“. Мой дедушка время от времени молот на мельнице муку. Немного, только для своей семьи и для пары фермеров, которых он хорошо знал. Но это прекратилось, когда у него совсем не стало сил, и вскоре он умер.

Отец часто читал нам вслух Библию. Когда я был маленьким, мне это очень нравилось, потом же эти чтения стали мне в тягость.

Закончив школу, я пошел учиться на экономиста. Я уехал из дому, начал делать, как говорится, карьеру, потом женился и стал дома редким гостем. Нет, дело было совсем не в том, что мне здесь не нравилось, просто моя работа настолько захватила меня, что на поездку домой совсем не оставалось времени — или, по крайней мере, я так считал, что не оставалось. Детей у нас не было, и поэтому моя жена пошла работать в школу. Мы жили каждый своей жизнью — и она, и я. И поэтому я без особых колебаний согласился, когда моя фирма поручила мне несколько лет поработать в Южной и Северной Америке. Это было сразу после войны.

Не буду докучать подробностями, которых вам, может быть, еще не понять. Как бы то ни было, я ездил в Мексике и Аргентине из одного города в

другой, когда моя жена, оставшаяся здесь, тяжело заболела. Сначала я об этом ничего не знал, а когда узнал, то решил, что все это не настолько серьезно, чтобы мне из-за этого бросить свою очень важную работу недоделанной. Мои родители взяли мою жену к себе в дом и ухаживали за ней, пока она вскоре не умерла. Она лежала наверху, в комнате в самом конце коридора. Уход за ней был тяжелым бременем, а печали и тревоги сделали все остальное, и вскоре после нее умерла и моя мать. Я думаю, что физическое изнурение и душевная боль сыграли в этом большую роль.

Получив в Мексике письмо отца об этом, я был потрясен до глубины души. Я вдруг осознал всю необъятность своей вины. Для меня карьера и деньги были важнее заботы о моей семье. Я как будто прозрел и увидел свою вину, огромную и ужасную вину.

Я был так потрясен, что тут же, телеграммой, попросил об увольнении и на следующем корабле отплыл домой. До этого я написал отцу письмо, умоляя меня простить.

Я никогда не забуду, с каким чувством я ступил на перрон. Весь мой багаж я оставил в камере хранения и пешком, через лес, отправился к дому. Слезы навернулись мне на глаза, когда я, выйдя из леса, увидел мельницу, где я провел свое безоблачное детство и с которой у меня были связаны воспоминания о совершенной мной несправедливости.

Мой отец из окна увидел, как я подходил к дому. Он тогда уже был глубоким стариком, почти таким же старым, как я сейчас. И все равно он вышел мне навстречу. Он сильно хромал, потому что у него была больная нога. Мы встретились у садовой

калитки, и он крепко обнял меня. Я понял: ему было очень больно, что я так себя вел, но он от всего сердца был рад меня видеть.

Конечно, я уже не мог исправить ничего из того, что натворил. Но я, по крайней мере, старался помогать отцу, чем только мог. Я унаследовал дом и выплатил сестре ее долю в наследстве, на что ушла большая часть моих сбережений. Я нашел себе работу поблизости, правда, зарабатывал я намного меньше, чем раньше. Но сейчас самым главным для меня было жить дома, и чтобы, по крайней мере, у отца было все необходимое.

Через несколько лет умер и он. Вскоре я вышел на пенсию и все эти годы живу здесь безотлучно.

С тех пор, как пастор Вайс приехал в Кляйнхадерн, он часто бывал в нашем доме. Мои родители его очень уважали и ценили и регулярно посещали богослужения. Поэтому и мне пришлось там часто появляться, сопровождая отца. Так как я уже осознал, насколько огромна моя вина — и не только та, которую я только что описал, но и кое-что другое, — Слово Божье было посеяно в моем сердце на плодородную почву. Чем чаще я туда ходил, тем охотнее слушал я слова Библии, потому что чувствовал, какая в них была сила. Но я все равно так и не понял, что Бог хотел меня простить, что Он хотел принять меня, меня лично, в Свои руки, хотел, чтобы я стал Его сыном. Моя вина легла беспощадной тенью на всю мою жизнь.

Однажды в воскресенье в церкви темой проповеди была притча о блудном сыне. Когда пастор говорил о том, как отец с любовью принял своего сына-предателя и что Бог поступает с нами точно так же, перед моими глазами вдруг во всех подробностях встала картина из прошлого, как я вышел

по тропинке из леса, а мне навстречу спешил отец, и как он крепко меня обнял».

Голос старика дрогнул. Он замолчал и лишь смотрел перед собой блестящими от слез глазами.

Ему на помощь пришел пастор Вайс: «Господин Феллингер хочет сказать, что с такой же любовью принимает нас и Бог, когда мы раскаиваемся и приходим к Нему, когда мы обращаемся к Нему в молитве и говорим, что нам очень стыдно за все плохое. Ведь так, господин Феллингер?»

Старик кивнул.

В комнате стояла тишина. Со двора то и дело доносились громкие голоса, но никто не обращал на них внимания.

Лишь спустя какое-то время дедушка Феллингер снова заговорил: «Вы, наверное, теперь понимаете, почему я не хочу продавать этот дом. Для меня он намного больше, чем просто дом, где прошло мое детство. Он мне постоянно напоминает о том, что только у Бога я по-настоящему дома.

Вы, наверное, уже заметили, что я очень рад, когда вы ко мне заходите, потому что я хочу поделиться с вами всем этим, по мере сил.

Однако должен вам сказать, что если такой ужас, как сегодня ночью, снова повторится, то не знаю, как долго я еще смогу продержаться. Я ведь, сами видите, уже не мальчик. Тот панический страх, который овладел мною сегодня ночью, я смог преодолеть только потому, что знал, что я надежно укрыт в руках Божьих».

Несколько полицейских сгрудились вокруг обладателя дребезжащего голоса. Тот сидел на старом, расшатанном стуле в пустой комнате на первом этаже мельницы.

«Господин Шультхайс, не надо ломать комедию. Мы все равно скоро все узнаем. Поэтому еще раз: вы непременно хотели купить эту усадьбу. Почему?»

«Почему? Что за глупый вопрос! Я же маклер!»

«Против маклерства как такового никто ничего не имеет. Это такая же профессия, как и все остальные, при условии, конечно, что в ход идут законные средства».

«А вы что, в этом сомневаетесь?» — продребезжал Шультхайс.

«По крайней мере, ассоциация маклеров сообщила нам, что вам отказано в членстве, потому что ваши грубые методы компрометируют всю эту отрасль».

«Злобная зависть, с которой сталкивается всякий успешный предприниматель».

«Господин э... э... — вмешался в разговор уже знакомый нам полицейский, — господин Шультхайс, расскажите нам, пожалуйста, что вы собирались делать с этим домом. Собирались ли вы его продать другому лицу, или же вы хотели сами его как-то использовать?»

«Я не обязан сообщать вам сведения, имеющие отношение к моим планам».

«Как получилось, что вы обратили внимание на эту усадьбу?»

«Это то же...»

«Господин Шультхайс, — в голосе полицейского послышались металлические нотки, — мне кажется, вы недооцениваете остроту ситуации, в которой вы оказались. Вас обвиняют в том, что по вашему поручению был совершен поджог».

«Что? Поручение? Никогда! И как вам это только в голову пришло?»

«Поручали ли вы господину Петеру Кюну из Гундерсхайма совершать различного рода нападения на этот дом, а также живущих в нем и его посещающих? Да или нет?»

«Нет! Я знать не знаю этого Петера Кюна из какого-там. И имени такого я никогда не слышал».

«И вы думаете, что мы вам поверим?»

«Придется, ведь обратное сначала надо доказать!»

«Мы были бы больше склонны поверить вашим заявлениям по этому очень острому вопросу, если бы по всем другим вопросам вы выказали большую готовность к сотрудничеству!»

Несколько минут маклер сидел молча, уставившись в доски пола у себя под ногами. Потом он глубоко вздохнул и сказал: «Ладно. Расскажу вам все, что знаю. Но предупреждаю: вы будете очень разочарованы».

Не дождавшись ответа, он продолжал: «Однажды мне позвонил какой-то мужчина, подробно описал этот дом и поручил мне этот дом для него купить. Он назвал мне и сумму, которую я мог за него заплатить. И еще он сказал, что если мне удастся купить этот дом за меньшую сумму, половина сэкономленного принадлежит мне».

«Довольно необычное явление на рынке недвижимости, не так ли?»

«Вы правы. Но необычное зачастую сулит наибольший успех. Этот человек явно навел справки и слышал, что это мой девиз. Только не пытайтесь подловить меня на этом! Я всегда прилежно платил налоги!»

«Когда вы получили этот заказ?»

«В начале июня. Более точную дату можно установить, обратившись к документам».

«Как представился заказчик?»

«Вообще никак. Он сразу же сказал, что желает остаться неизвестным, по крайней мере пока. Он всегда сам звонил мне. Если я хотел его о чем-то спросить или что-то сообщить, связаться я с ним не мог. Приходилось ждать его очередного звонка».

«Неужели же вы могли доверять такому человеку?»

«Там нечему было доверять. Мои услуги он всегда оплачивал вперед, через анонимные банковские переводы».

«И как вы пытались достичь своей цели?» — спросил полицейский.

«Ну, я поговорил с господином Феллингером несколько раз и предложил ему кругленькую сумму».

«И попытались оказать на него давление», — твердо стоял на своем полицейский.

«Да, но не так, как вы думаете. Единственное, что я предпринял, это... это было не то чтобы очень... ну... Я послал на мельницу двух подставных лиц, которые предложили за дом довольно низкую сумму. Это должно было создать впечатление, что мое предложение было невероятно выгодным».

«И вы никого не нанимали бить стекла, перерезать телефонный кабель?..»

«Нет-ет! Что вы! Да, вот еще что: заказчик назвал и окончательный срок: 15 сентября. К тому времени покупка должна была быть полностью оформлена. Позже же этот дом не представлял для него никакого интереса. И мне не следовало рассчитывать тогда ни на какое вознаграждение».

«Веская причина, чтобы усилить давление на господина Феллингера!»

«Я рассказал вам все, что знал. Хотите верить, хотите нет».

Полицейские переглянулись, и один из них беспомощно пожал плечами.

Дом, где жили Увэ и Керстин, стоял к лесу ближе всех остальных, и потому друзья решили собраться именно возле него.

Во внешнем облике ребят произошли разительные перемены. Их поистине трудно было узнать, но не столько из-за следов томатного соуса на губах у Керстин, сколько из-за их одежды. Собираясь работать с обугленными бревнами, ребята договорились надеть все самое старое, что только смогут отыскать их мамы.

«Кого еще нет?» — спросил Стефан, пересчитав своих друзей.

«Детлефа».

«Когда же он наестся?!»

«Вот он уже идет!»

И действительно, к ним, еле переводя дух, подбежал Детлеф, размахивающий на ходу сжатой в кулаке газетой: «У меня для вас новости! Вот читайте!»

«Что еще за новости? Выкладывай, не тяни!»

«Значит так. Давеча стал я листать в газете раздел местных новостей. Политика меня вообще-то совсем не интересует, но, став детективом, я всегда читаю местную хронику. Или, по крайней мере, просматриваю. Что-то полезное найти в ней удастся далеко не всегда, но время от времени...»

«И сегодня тоже?» — прервал его Йенс, делая пару шагов в сторону леса, чтобы увлечь за собой и остальных.

«Ну подожди! Мне на глаза попадается вот этот

заголовок: „Где будет поле для гольфа? Это станет известно 15-го сентября“».

«Ну и что?»

«Неужели же эта дата ничего вам не говорит?»

«А-а, ты имеешь в виду, что это тот день, который назвал мотоциклист?» — спросил Гаральд.

«И маклер Шульцхайс, — добавил Увэ. — Я слышал, как один полицейский рассказывал дедушке Феллингеру о допросе».

«Ну да, — протянул Джимо. — 15-го сентября наверняка произойдет много всего. Как и во всякий другой день. Какое это все имеет отношение друг ко другу?»

«Не спеши, — сказал Детлеф. — Как бы то ни было, эта дата в заголовке побудила меня прочесть всю статью. И в ней написано, что гольф-клуб нашего округа, при поддержке ассоциации по туризму и нескольких состоятельных частных лиц, уже два года добивается разрешения на оборудование площадки для игры в гольф».

«Покажи-ка», — взял у него газету Гаральд.

«Пусть рассказывает, — сказал Йенс. — Так будет быстрее. Надеюсь, по крайней мере».

Детлеф продолжал: «Были предложены пять возможных вариантов. В одном из них, между прочим, упомянута лужайка недалеко от смотровой вышки, откуда мы в воскресенье вели наблюдение. Но это сейчас не суть важно. Самое интересное — то, что один из проектов предполагает устройство площадки гольфа в долине мельничного ручья, совсем рядом с мельницей».

«Что?»

«Этого не может быть!»

«Вот это да!»

Детлеф грелся в лучах всеобщего внимания:

«Ну, вообще-то этот план — лишь запасной, наряду с еще одним. Они бы, конечно, хотели туда, где больше места. Ведь долина мельничного ручья не такая уж и широкая. Но если это по какой-то причине не получится, скажем, из-за законов об охране природы, то они согласятся и на этот вариант».

«А причём здесь 15 сентября?» — спросила Керстин.

«В этот день будет принято решение. В газете написано — секундочку, я вам сейчас это прочитаю, это очень важно: „15 сентября и будет сделан этот выбор. А так как, по сообщениям из городской ратуши, на этот день не запланировано никакого заседания, то, вполне вероятно, правы оказались утверждавшие, что решение на самом деле уже давно принято. Но как бы то ни было — 15 сентября мы наконец-то узнаем, где будет оборудована новая площадка для гольфа“».

«Да, но для чего?..» — Торстен понятия не имел, что им теперь с этой информацией делать.

«Мне кажется, я знаю, куда ты клонишь, Детлеф», — сказал Увэ.

Тот продолжал: «Предположим, что эту площадку для гольфа будет решено оборудовать в долине ручья. Может быть, при условии — это лишь так, голое предположение, точно ведь никто этого не знает, — при условии, что во имя защиты окружающей среды им будет запрещено возводить там какие-либо постройки. В этом случае мельница обретает огромную ценность. В ней ведь можно было бы оборудовать, например, ресторан, где господа могли бы откусать в изысканной обстановке. И вы помните, что как раз это и собирался сделать маклер Шультхайс. Или же его заказчик».

У его слушателей от изумления отвисла челюсть.

«И ты считаешь, — развивал дальше мысль Детлефа Стефан, — что если это так и кто-то, скажем из городского совета, об этом пронюхал...»

Детлеф отнюдь не собирался делиться своей славой специалиста дедуктивного метода ни с кем из друзей. О том, что в построении этой логической цепочки ему за обедом немного помог отец, он решил не распространяться. «Если кто-то, зная из секретного источника, что решение вынесено в пользу долины мельничного ручья, успеет до 15 сентября купить мельницу по обычной цене, то позже он сможет продать ее в два раза дороже. И заработать на этом, по крайней мере, полмиллиона!»

«Невероятно!» — поразился Гаральд. У других же вообще не было слов.

«Да, но что же нам теперь делать?» — спросил Увэ скорее самого себя, чем других. Этот вопрос не давал ему покоя на всем пути к мельнице. «Как бы это нам?.. Должен же быть выход!» — бормотал он то и дело себе под нос.

Они уже выходили из леса, когда Увэ внезапно остановился.

«Придумал!»

«Что ты придумал?» — спросил его Йенс.

«Придумал, как нам его поймать! Слушайте внимательно!»

Ребята сгрудились вокруг Увэ.

«Мы отправимся в тот квартал с виллами и, переходя от двери к двери, запишем имена их владельцев и адреса. Потом по этим именам найдем в телефонном справочнике их номера телефонов. Мы позвоним всем, кто окажется в нашем списке, от имени Шульгхайса. Если кто-то невиновен, то он и понятия не будет иметь, о чем идет речь. Но

если он с этим Шультхайсом знаком, то говорить он будет совсем по-другому, и тогда...»

«Вот эта да! — Йенс хлопнул себя ладонью по лбу. — И как это мы раньше до этого не додумались!»

«А этот Увэ не промах! — поразился Детлеф. — Ему самое место среди детективов!»

«Твоя идея была тоже неплохой! — не остался перед ним в долгу Увэ. — Но лишь обе вместе они смогли принести нам реальную пользу».

«Я предлагаю, чтобы двое из нас тотчас отправились к виллам, — взял инициативу в свои руки Стефан. — Двоих вполне хватит. Большая толпа обратит на себя внимание. Звонить же все равно лучше вечером, когда люди дома. Остальные отправляются на мельницу и приступают к работе в сарае».

Все согласились с его предложением. К виллам послали Детлефа и Керстин. Девочка, решили ребята, вызовет меньше подозрений, если кто-нибудь вдруг будет за ними следить.

Да и на строительстве от них было не очень много проку.

Снабженные тысячей советов и предостережений, они двинулись в путь. Керстин еще забежала домой за карандашом и блокнотом, а потом они прямым курсом направились в квартал новостроек, в котором и скрылся человек, которого преследовал сегодня ночью Увэ.

Остальные отправились на мельницу и приступили к работе. Строительство нельзя было начинать прежде, чем все будет расчищено и убрано. Да и вообще для этого были нужны доски и балки, а главное — знающий человек.

Но и с одной расчисткой у них было забот по-

лон рот. Под руководством дедушки Феллингера они оттаскивали и складывали в стороне обугленные балки, выгребали пепел и другой мусор, расчищали фундамент так, чтобы на нем можно было начинать строить новый сарай. Мусор и обломки они складывали на тачку и увозили на мусорник.

К вечеру они стали похожи на только что поднявшихся из забоя шахтеров.

Закончив работу, все уселись в тени забора и принялись уплетать пирог со сливами.

«Дедушка Феллигер, — начал Увэ. — А можно мы от тебя позвоним? Нам нужно сделать несколько звонков, но они все местные...»

«Это связано с охотой на поджигателя», — добавил Гаральд.

«Вот оно что, — откликнулся дедушка. — Но надеюсь, в вашей затее нет ничего противозаконного?»

«Нет, конечно, нет!» — поспешили все его заверить. А Торстен добавил: «Это ведь все, в конце концов, для тебя, дедушка Феллигер!»

Вскоре показали Детлеф и Керстин, торжествуя размахивая своим блокнотом.

«Все прошло без сучка и задоринки», — отчитался Детлеф. Керстин же добавила: «Кое-кто, конечно, косился, но мы сделали вид, что ничего не замечаем».

«Ну что ж, давайте тогда сядем и хорошенько пораскинем мозгами, — решил Увэ. — Все надо подготовить очень тщательно. Это должно получиться сразу, с первого раза. Другого шанса у нас не будет».

«Согласен, — поддержал его Йенс. — Но сначала было бы неплохо всем вымыть свои лапы».

Через несколько минут мальчики, уже приняв-

шие свой нормальный вид, снова сгрудились вокруг столика в саду.

«Я считаю, — сказал Стефан, — что эти разговоры по телефону должен вести Йенс. У него самый низкий из всех нас голос, и поэтому он правдоподобнее сможет сыграть роль помощника маклера».

«Ну, бороды у него еще нет, — улыбнулся Джимо, — но зато есть угольно-черная полоса на шее».

«Дай-ка, пожалуйста, твой блокнот, — попросил Увэ сестру. — Нам надо написать для него текст. Здесь необходимо взвесить каждое слово».

«Слушай, давай я сам все напишу, — предложил Йенс. — Тогда я, по крайней мере, смогу это все прочесть без запинки».

«Да уж надеюсь!» — подпустил ему шпильку Гаральд.

«Добрый вечер», — начал диктовать Увэ.

«Доб-рый ве-чер», — записывал Йенс.

«Это Шультхайс».

«Нет, не Шультхайс, — поправил его Джимо, — а кто-нибудь из его офиса».

«Но я же не могу сказать: „Это кто-то из его офиса“. Так никто не говорит!»

«Ну тогда: „Маклерская фирма Шультхайс“».

«Верно, — одобрил Увэ. — У нас есть пара вопросов относительно мельницы и...»

«Нет, лучше так: Господин Шультхайс поручил мне обсудить с вами пару неясных моментов», — предложил Детлеф.

Йенс лихорадочно записывал.

«Речь идет о мельнице и площадке для гольфа».

«Стоп-стоп, это не пойдет, — прервал его Увэ. — О площадке для гольфа Шультхайсу ведь ничего не известно».

«Не беда! — не согласился с ним Стефан. — Но-

мера телефона он ведь тоже, по идее, не знает. Мы ведь только его провоцируем. И когда он услышит, что Шультхайсу известно и о площадке для гольфа, то уж точно выйдет из себя».

«Здорово придумано!» — Йенс уже записывал.

«Этого, я думаю, хватит. Он ведь должен будет как-то на это прореагировать. В крайнем случае ему нужно будет тут же сочинить что-то правдоподобное».

«Да к тому же ты и сам понятия не имеешь, что говорить дальше», — подколот его Гаральд.

Йенс взглянул на часы: «Уже половина шестого. Я думаю, можно начинать. Согласны?»

«Да!»

«Поехали!»

Они собрали свои вещи и всей гурьбой направились к дому.

«Можно нам позвонить, дедушка Феллингер?»

«Заходите, заходите. Думаю, вы еще не забыли, где стоит телефон. Если что, я на кухне».

Ребята столпились возле телефона. После короткого спора было решено, что Увэ, который все это придумал, будет стоять возле Йенса со стороны трубки. Все остальные, увы, были лишены всякой возможности слышать реплики собеседника Йенса.

Джимо тем временем уже рыскал по телефонному справочнику. Найдя какую-нибудь фамилию из их списка, он называл Керстин номер, а та аккуратно записывала его рядом с адресом.

Но вот наконец настал тот момент, которого все с таким нетерпением ждали.

Йенс набрал первый номер.

«Мельманн», — отозвался на другом конце провода мужской голос.

«Добрый вечер, господин Мельманн. Маклерская фирма Шульцхайс. Господин Шульцхайс поручил мне обсудить с вами пару неясных моментов. Речь идет о мельнице и о площадке для гольфа».

«Весьма сожалею, но я понятия не имею, о чем идет речь. Я не знаю никакой маклерской фирмы Шульцхайса».

«О, я должно быть, ошибся номером. Извините!»

Йенс быстро положил трубку на рычаг и перевел дух. Увэ жирной чертой зачеркнул первое имя.

Вторая попытка. Йенс отбарабанил текст. В этот раз ответ был ничуть не лучше предыдущего: «Это что еще за мельница и площадка для гольфа? Это вы мне должны объяснить поподробнее!» Делать этого Йенс, конечно же, не стал.

В третий раз телефонную трубку сняла женщина. Йенсу пришлось попросить ее позвать к телефону мужа. Но тот лишь буркнул: «Кто звонит?»

«Маклерская фирма Шульцхайс».

«Никогда не слышал!»

Следующий номер.

Один раз трубку взял ребенок, в другом месте ее вообще никто не поднимал, потом они наткнулись на женщину, муж которой был в командировке. Когда в очередной раз в трубке раздался женский голос и Йенс попросил позвать к телефону ее мужа, в трубке послышалось насмешливое: «Молодой человек, я не замужем!» В ответ на это Йенс только и нашелся, что пробормотать: «Ах вот как» и быстро положить трубку.

Один из тех, кому они позвонили, по имени Мюллер-Торн, выслушав скороговорку Йенса, переспросил: «Так кто это?»

«Маклерское бюро Шульцхайс».

«И о чем идет речь? Не смогли бы вы еще раз повторить?»

«О мельнице и о площадке для гольфа».

«И что вы хотите в таком случае от меня?»

Не зная, что ему ответить, Йенс, заикаясь, извинился и повесил трубку.

«Это был он?» — спросил Гаральд. Все заметили, что этот разговор был необычным.

«Да нет, вряд ли».

«Он просто такой въедливый и хотел все знать досконально», — подвел итог Увэ.

Игра постепенно превращалась в работу. Керстин, самая младшая из них, стала терять интерес и терпение. Еще пара звонков — и она неслышно выскользнула из комнаты и побежала к своим котяткам.

После того, как мальчики побеседовали с одним глубоким стариком, с садовником, чей хозяин был в отпуске в горах, с подвыпившим молодым человеком и еще целым рядом ничего не подозревающих граждан и гражданок, успех свалился на них, как снег на голову.

«Добрый вечер, господин Нольте», — вежливо поприветствовал Йенс своего собеседника и, не заглядывая в блокнот, отбарабанил свой текст.

«И как вам в голову только могло прийти звонить мне! — набросился на него невидимый собеседник. — Я же ясно и понятно вам сказал... откуда у вас вообще мой номер телефона?»

«Его... э... мне его дал господин Шультхайс».

«Ну это же!.. Дайте мне его сейчас же!»

«Господина Шультхайса в данный момент, к сожалению, здесь нет. Мне ему что-нибудь передать?»

«И при чем здесь площадка для гольфа?! Как вы

вообще до нее добрались?» — казалось, что он вот-вот лопнет от ярости.

От волнения Йенс совсем растерялся: «Да я вовсе и не на площадке для гольфа».

Тот аж застонал: «Будь я вашим шефом... Уж я ему устрою!»

«Так господину Шультхайсу перезвонить вам, когда он вернется?»

«Нет, — заорал голос в трубке. — Я сам ему позвоню! И сейчас же уничтожьте мой номер телефона, плевать, где он у вас записан! Вы все поняли?! Вырвите этот листок или уничтожьте всю папку! Киньте ее в камин, делайте что угодно, но он должен исчезнуть! Сейчас же! Или же это был мой последний заказ вашей фирме!»

В трубке раздались гудки. Господин Нольте в ярости швырнул трубку на рычаг.

«Ура-а-а!» — закричал Увэ, вскинув руки и подпрыгивая от радости чуть не до потолка.

Йенс свой восторг выражал не столь бурно, но радовался не меньше друга: «Мы его нашли!»

Все вопили от радости, хлопали друг друга по плечу и обнимались. «Что случилось? Что вы там нашли?» — спросил выбежавший на шум дедушка Феллингер.

«Мы нашли того, кто поджег сарай!»

«Который все это устроил!»

«Главного преступника!»

Мальчишки говорили все разом, перекрикивая друг друга.

«Что? — по лицу дедушки Феллингера было видно, что он им не очень-то верил. — И как же вы его нашли?»

«По телефону!»

«По телефону?.. Ничего не понимаю!»

Все бросились наперебой объяснять ему, поднялся невыносимый гвалт, и дедушка Феллингер вообще ничего не мог разобрать. Лишь после того, как он на них прикрикнул: «По одному, пожалуйста!» и мальчишки сошлись на решении предоставить право рассказа Увэ, который это все придумал, старик наконец-то разобрался, что к чему.

«Вы правы, ребята, это и есть наверняка тот самый заказчик. Чего же мы ждем? Нужно немедленно сообщить об этом в полицию!»

«Может, будет лучше, если полиции это все расскажешь ты, дедушка Феллингер? Нам они не очень-то поверят».

«Ну тогда пропустите меня к телефону. Ах, дети, дети, это же сколько мне придется платить в этом месяце за телефон! Но нет, я не жалею. Я готов, если нужно, три часа разговаривать с Новосибирском, лишь бы все эти нападения прекратились».

«Господа, прошу вас с пониманием отнестись к тому факту, что этот срочный созыв городского представительства был совершенно необходим», — сказал бургомистр.

«Смею вас просить, господин Мюллер-Торн, обойдемся в этот раз без длинных предисловий, — нетерпеливо бросил сидевший рядом с ним за столом полный, самоуверенный господин. — Некоторые из здесь присутствующих сидят как на иголках, потому что на сегодня у них были совершенно иные планы».

«Надеюсь, что вы, бургомистр, ни на йоту не преувеличиваете важность этого вопроса, — брюзгливо начал сидевший напротив толстяка тощий старик. — Созывать чрезвычайное заседание, да еще так срочно...»

«Господа, — прервал его бургомистр, — чем быстрее я получу возможность изложить вам суть дела, тем быстрее мы разойдемся по домам».

Этот аргумент всем собравшимся показался очень убедительным, и ответом на него было лишь ворчливое: «Гм».

«Я вынужден констатировать, господа, что несмотря на наш уговор хранить молчание относительно места, отводимого под площадку для игры в гольф, этот уговор был нарушен, и нарушил его кто-то из нас!»

«Что?»

«Это невозможно!»

«Неслыханно!» — закричали важные господа, перебивая друг друга. В комнате поднялся невообразимый шум, члены совета, хоть это и были всеми уважаемые граждане, вели себя ничем не лучше школьников, только что ввалившихся в класс после перемены.

«Господа, — повысил голос бургомистр, пытаюсь перекрыть шум. — Это еще не все. Доказано, что этот человек использовал свое знание для крайне неблагоприятной спекулятивной сделки или, по крайней мере, пытался это сделать».

Присутствующие пришли в еще большее волнение. Они качали головами и были очень изобретательны в выражении своего негодования.

Бургомистр продолжал: «Я попрошу встать человека, о котором идет речь».

В комнате мгновенно установилась мертвая тишина.

Господин Нольте, сидевший в самом конце стола, был ошеломлен. Как же они это все узнали? Он ведь всегда был предельно осторожен! Тщательно планировал, ничего не оставляя на волю случая!

Нигде не оставил никаких следов! Его прошиб пот, и он с ужасом подумал, что краснеет.

«Господин Мюллер-Торн, откуда вам это все известно?» — спросил толстяк.

«И вы знаете, кто это был?» — добавил тощий старик.

«Нет, этого я не знаю, — ответил бургомистр. — Но я вам расскажу, как я пришел к этому заключению: совершенно случайно. Кто-то, должно быть, ошибся номером. Как бы то ни было, мне позвонили из маклерской фирмы — обратите внимание, маклерской! Относительно площадки для гольфа и мельницы. А теперь скажите, уважаемые господа: услышав подобное, к какому бы вы пришли выводу?»

Ответом ему было подавленное молчание.

Господин Нольте был человеком отнюдь не глупым. Поэтому он сразу сообразил: бургомистру они тоже звонили! Может, это был вовсе и не Шульгхайс! Может, это была просто ловушка!

«Можете ли вы поручиться, что протокол не попал в чужие руки?» — спросил между тем толстяк.

«Или что секретарь не разболтала этого всему городу?» — поддержал его тощий.

В этот момент раздался стук в дверь.

«Войдите!» — крикнул бургомистр, очень недовольный тем, что им помешали.

Дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова дежурного по ратуше. «Господин Нольте, вас просят выйти».

«Сейчас это невозможно! — пришел в ярость бургомистр. — Идет очень важное заседание».

Господин Нольте, сидя в дальнем конце стола, мог видеть в образовавшуюся щель, поверх головы

дежурного, что в коридоре стоял еще один человек. В полицейской форме.

Он встал, мертвенно-бледный, и, с трудом переводя дыхание, сказал: «Я думаю, господин Мюллер-Торн, что, если вы отпустите меня, заседание потеряет всякий смысл».

Все в полном молчании смотрели, как он на негнущихся ногах покинул комнату для заседаний.

Дверь закрылась.

«Вы — господин Нольте?» — спросил его полицейский официальным тоном.

«Конечно, вы же меня знаете. Ну что ж, вы победили. Примите мое искреннее восхищение».

«Победили?»

«Западня с телефонным звонком была поистине гениальна».

«Ах, вот вы о чем, — откликнулся полицейский. — Да нет, это были не мы».

«Не вы?»

«Нет, это были — парочка очень изобретательных и ловких детективов».

Пастор Вайс и дедушка Феллингер стояли на кухне у раскрытого окна. Они с восхищением следили за тем, как ловко молодой парень, брат Торстена, собирал из балок каркас для сарая.

Вокруг него суетилась, подобно муравьям, маленькая армия мальчишек.

Еще здесь была симпатичная девушка, старшая сестра Йенса. Она ни на шаг не отходила от парня и время от времени нежно и бережно подавала ему гвоздь.

«Вы представить себе не можете, господин пастор, до чего же я рад этим мальчишкам. И не толь-

ко потому, что они мне помогают. Они приносят смех и радость в эту долину».

«А не слишком ли от них много шума, особенно для такого пожилого человека, как вы?»

«Ну, иногда, конечно, они шумноваты. Но я готов сносить это. И если порой гвалт становится поистине невыносимым, мне достаточно им об этом только сказать. Слушаются они меня беспрекословно».

«Вы не забыли, что скоро начинаются занятия в школе? Тогда у вас здесь снова будет тихо и одиноко».

«У меня уже сейчас при этой мысли сжимается сердце».

Они помолчали. «Послушайте, господин Феллингер, — заговорил пастор снова. — А вы никогда не задумывались над тем, что дом огромный и какую-то часть вы могли бы сдать в наем?»

«Задумываться-то я задумывался. Но это все не так просто. Дом ведь стоит на отшибе, далеко от города. Многим это не понравится. Да к тому же и квартира на втором этаже — в очень плохом состоянии. На обновление фасада ушли все мои деньги».

«Ну а если кто-нибудь сам отремонтирует квартиру?...»

«Тогда я и квартирной платы брать с него не буду, если он время от времени будет помогать мне по хозяйству, там, где самому мне уже не справиться. Да, но он должен уметь многое делать своими руками».

Пастор вынул из холодильника две бутылки лимонада. «Пойду отнесу нашим работничкам», — сказал он и вышел из дома.

Выйдя во двор, он громко объявил: «Перерыв!»

Пустив бутылки по кругу, он жестом отозвал брата Торстена и его невесту немного в сторону. «Скажите-ка, это правда, что весной вы собираетесь жениться?»

«Да!» — сказали они в один голос и с улыбкой переглянулись.

«Вы уже нашли себе квартиру?»

«Нет, этот вопрос у нас пока еще открыт. Мы уже посмотрели две квартиры, но они были нам не по карману».

«Предположим, что у вас была бы возможность снять квартиру, очень недорого, но за это вам пришлось бы немного помогать по хозяйству, и ремонт в ней придется тоже самим... Это очень старый дом...»

«Это было бы просто здорово! У вас что, действительно есть такая квартира на примете?»

«Есть, есть! В старой мельнице, что стоит в окутанной тишиной и романтикой долине».

Старик, который все еще стоял у окна, никак не мог понять, с чего бы это юный столяр так радостно подпрыгнул, обнял хорошенькую девушку, крепко пожал пастору руку и вприпрыжку побежал к дому. Но вскоре ему все объяснили, и он тоже очень обрадовался.

Пастор же подошел к мальчишкам, которые, рассевшись на траве, в 177-й раз рассказывали друг другу историю своей победы.

Йенс как раз говорил: «Я думаю, никто не будет против, если я скажу, что Увэ теперь может быть принят в нашу компанию. Я это говорю потому, что ты раньше намекал на это...»

«Ха, другого выхода у вас просто нет! — засмеялся Увэ. — У меня ведь есть полное на это право!»

«Право?» — переспросил Торстен, на животе

которого снова болтался бинокль, хотя он и жутко мешал ему при работе.

«Конечно, — пояснил Увэ, — мне ведь, в конце концов, принадлежит часть вашей рации!»

Все рассмеялись.

«Стефану и Джимо мы, естественно, тоже будем рады».

«Вот спасибо! Это для нас большая честь!» — с улыбкой откликнулся Джимо. Стефан добавил: «Мы тоже будем рады видеть вас у нас в церкви. Услуга за услугу!»

На лицах четверых детективов даже при большом желании нельзя было прочесть восторга по поводу этого предложения. Но пастор, внимательно наблюдавший за этой сценой, подумал про себя: «Им стоит только раз прийти на занятия для подростков, а там уж и до восторженной радости недалеко».

И в этом я, рассказавший вам эту историю, тоже абсолютно уверен.

Марион Гитт

По следам лисы

88 Seiten

DM 4,80

ISBN 3-89397-731-7

В живой и образной манере автором создано восемь описаний животных. При этом дети (до 12 лет) имеют возможность вновь узнать немало удивительного о чудесном творении Божьем. Обращение к ним лично делает их непосредственными участниками наблюдений и путешествий. От этих описанных ею животных автор переключается к „Библейским животным“.

Ее желание а передать детям любовь к творению и Творцу и помочь им обрести радостную твердую веру.

Рут Джонсон

Агенты Божии

160 Seiten

DM 4,80

ISBN 3-89397-745-7

Полные приключений исследовательские экспедиции шотландца в африканских джунглях; мальчик, который проповедует уже в 16 лет; переодетый в китайца миссионер; слепая девушка, открывающая очи веры другим а обо всем этом, как и о многих других захватывающих событиях из жизни „агентов Божиих“, таких как Давид Ливингстон, Чарльз Г. Сперджен, Гадсон Тейлор, Фанни Кросби, Дуайт Л. Муди, Ира Д. Сэнки, Георг Мюллер и т. д., можно узнать из этой книги.

В наше время, когда примеры для подражания встречаются так редко, эти картины жизни могут послужить мотивацией и помочь определить цель жизни.

Для мальчиков и девочек начиная с 9-летнего возраста.